

05
II
Р.С.Ф.С.Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИСТПАРТА

~~Уч. 38152~~
№

7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1922

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

17817

1922-VII

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 7

1922 г.

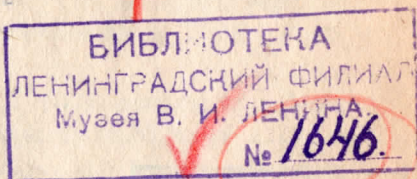

Уч. 38158
142
342

2000

с. 142

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ 1922

„Дом Плеханова“
№ 92-1118/6

Как Г. В. Плеханов стал марксистом.

I.

Вскоре после демонстрации на Казанской площади (6/18 декабря 1876 года) Георгий Валентинович, сильно разыскиваемый тайной полицией, отправился вместе с своей женой, студенткой-медичкой Смирновой, за границу, чтобы «замести след». Через границу они перешли «нелегально», контрабандным путем, которым, как известно, заведывал член об-ва «Земля и Воля» и поныне здравствующий А. И. Зунделевич. Он сопровождал их или встретился затем с супругами Плехановыми, в точности не помню, в Берлине. Впоследствии, когда Георгий Валентинович стал ярым марксистом, восхищавшимся немецкой социал-демократией, Зунделевич вспоминал, как молодой Плеханов во время этого первого своего пребывания в Германии относился, наоборот, крайне отрицательно, насмешливо к «немцам», высмеивая их пристрастие к императору, в чем, будто бы, повинны были даже лидеры рабочих—Бebel и Либкнехт. Теперь не помню подлинного рассказа Зунделевича; удержалась у меня, главным образом, лишь суть воспоминаний его о стремлении Георгия Валентиновича свалить в одну кучу, по лояльности, вернее, по раболепию, всех без различия немцев. Передавая мне об этом добродушнейшим тоном и сопровождая свой рассказ симпатичной усмешкой, Зунделевич, помню, совершенно верно заметил, что этот ошибочный взгляд «Жоржа», как все мы тогда называли Плеханова, объяснялся, конечно, его крайним в то время бакунизмом, в связи с полным его незнанием с немцами. Это действительно было так.

Но не один только Г. В.,—все мы, тогдашние последователи «апостола всеобщего разрушения», вслед за ним, нашим тогда кумиром, крайне отрицательно относились ко всем без различия немцам. Кроме общераспространенных, вульгарных кличек, что все они «колбасники» и чрезмерно пристрастны к пиву, мы, бакунисты, обвиняли их в умеренности и аккуратности, в постепеновстве, в культу́ртрегерстве и в полном отсутствии у них «революционной жилки». Все это в наших глазах тогда являлось большими дефектами, не сулившими нашим ближайшим соседям ни малейшей надежды

на возможность не только в скором, но и отдаленном будущем торжества социалистической революции,—словом, на «великий народ поэтов и философов» мы, россияне, смотрели сверху вниз, как на людей, заслуживающих только насмешек, иронии.

Само собой разумеется, что этот взгляд, совершенно сближавший нас, крайних тогда «левых», с славянофилами, проистекал из отрицательного нашего отношения к господствовавшей в Германии социалистической партии. Но, как я уже вскользь упомянул, это отношение не составилось у нас сколько-нибудь самостоятельно, из наших личных непосредственных знакомств или хотя бы по литературным источникам, а целиком оно было нами заимствовано из поверхностной книжки Бакунина «Государственность и анархия». В ней, как известно, он кстати и некстати прохаживается на счет немцев и за одно также и «жидов»: это—при объявлении себя ярым, последовательным «интернационалистом».

Хорошо известен источник ненависти тогдашнего властителя наших дум к названным двум нациям,—кроме опять-таки славянофильской закваски, не малую роль в этом его отношении сыграли личные его счеты с немцами и евреями, с которыми у Бакунина происходили, во время его пребывания в Западной Европе, некоторые столкновения и недоразумения, в сущности почти единственно—с Марксом, Энгельсом и Н. Утиным.

Георгий Валентинович юдофобством не заразился от Бакунина,—к сожалению, этого нельзя сказать о некоторых южных бунтарях,—но немцев и он не долюбивал. Не зная тогда совершенно их языка, он, будучи в Берлине, исключительно вращался среди проживавших там студентов евреев, выходцев из России, а также посещал одну артель русских крестьян, какими-то судьбами попавшую на заработки в Германию. Впоследствии Г. В. много рассказывал про этих мужичков, при чем, помню, восторгался их находчивостью, изворотливостью и природным их умом. Словом, в качестве ярого «народника», Плеханов, даже очутившись в Берлине, где ему открывалась возможность познакомиться с единственно существовавшей тогда обширной социалистической партией, совершенно ею не интересовался и довольствовался лишь подмечаемыми внешними, как всем нам казалось, не привлекательными, а то и «отталкивающими», по нашему мнению, свойствами немцев.

Это нелепое, предвзятое отношение к последним уживалось с восхищением и благоговением, которые многие из нас в то же время питали к некоторым корифеям наук и искусства в Германии—к Гёте, Гейне, Шпильгагену, Лассалю и Марксу. Но, не отрицая даровитости этой нации, мы, как я уже сказал, находили ее чересчур лойяльной, неревOLUTIONной, а это, повторяю, было, по нашим воззрениям, таким изъяном, с которым никакие заслуги и добродетели отдельных немцев не в состоянии были примирить нас.

Через год с чем-то после Плеханова вынуждена была с той же целью,— чтобы «замести следы»,— уехать за границу также Вера Ивановна Засулич, тоже переправленная через границу Зунделевичем и также на время оставшаяся в Берлине, вместе с одним из известнейших тогда русских революционеров-бакунистов—Дмитрием Александровичем Клеменцом, впоследствии ставшим знаменитым этнографом. С ними обоими повторилось совершенно то же, что и с Г. В. Плехановым,—нет, более того: последний только добродушно высмеивал немцев, а Засулич с Клеменцом буквально, как говорится, рвали и метали против них.

Дело в том, что давно настроенные враждебно против анархистов, немецкие социал-демократы отнеслись крайне отрицательно к покушению, совершенному Верой Ивановной на генерала Трепова: они усмотрели в этом акте проявление нелепых, диких—с их точки зрения—анархических приемов деятельности, которые могут вызвать подражания и, таким образом, отвлечь рабочих от единственно правильного пути—от развития классового их сознания. Особенно, помню, ополчился тогда в центральном органе «Volkstaat» главный его редактор, ветеран германского рабочего движения, старый Вильгельм Либкнехт: он громил эту девушку, осмелившуюся путем огнестрельного оружия защитить поруганную честь жестоко наказанного безжалостным сатрапом невинного русского социалиста. Резкие осуждения лидера немецкой социал-демократии явились крайним диссонансом среди всеобщего в Западной Европе, а также и в самой России, восхищения, которое вызвал самоотверженный поступок Засулич. Хотя впоследствии события вполне подтвердили правильность взглядов Либкнехта, все же, припоминая тот момент, мне и теперь, радикально, как известно, изменившему тогдашние бунтарские воззрения, продолжает казаться, что с его стороны было крайне неуместно, если не сказать довольно бестактно, ополчаться против Засулич и аналогичных ей самоотверженных борцов: это резко враждебное отношение лидеров немецкой социал-демократии, как мы ниже увидим, пару лет спустя, явилось отчасти тормозом нашему с ними сближению.

Последовавшие за выстрелом Засулич и оправданием ее судом присяжных покушения, произведенные Геделем и Нобилингом на Вильгельма I, еще подлили масла в огонь: боясь печальных для своей партии последствий, руководители социал-демократии в прессе и в парламентских выступлениях не добольствовались самыми категорическими осуждениями этих двух покушений, но к тому же разражались бранью по адресу казненных: я слышал, как сам великий Бебель называл этих двух фанатиков «ослами», «идиотами». Нам казалось, да и теперь я того же мнения, что можно относиться отрицательно к такого рода политическим актам, но ругать людей, приносящих свою жизнь в жертву своим, хотя бы и совершенно ошибочным, убеждениям, недозволительно социалистам.

Засулич с Клеменцом очутились в Берлине как раз в то время, когда там, после казней Геделя и Нобилинга, происходила настоящая вакханалия: несмотря на то, что социал-демократы чуть не распинались, клялись в полной своей непричастности к покушениям этих «идиотов», «ослов» и т. п., железный канцлер Бисмарк, прекрасно знавший, конечно, что социал-демократы не при чем в данном случае, тем не менее, обрадовался этому поводу, как средству добиться от парламента принятия исключительного закона против социалистов.

В своей самозащите против нависшей над их головами беды, социал-демократы действительно доходили до невероятных унижений, а также и несправедливых нападок на нас, русских последователей давно ненавидимого ими апостола анархии Бакунина. Не удивительно поэтому, что Засулич и Клеменц, страшно возмущавшиеся поведением забывших меру и обезумевших от страха знаменитых немецких лидеров, в свою очередь, тоже пересаливали, утверждая, будто бы Бебель и Либкнехт способны были тогда для спасения своей партии указать полиции место пребывания разыскиваемой Засулич, если бы оно было им известно¹⁾.

Засулич и Клеменц принадлежали к числу наиболее образованных наших социалистов; последний являлся также, наряду с Плехановым, Каблицом, Тищенко, Фесенко и некоторыми другими, недурным знатоком «Капитала» Маркса и большим почитателем основателей научного социализма.

Тем не менее, они все же относились враждебно к немецким их последователям.

Два с чем-то месяца спустя, мы, чигиринцы,—я, Стефанович и Бохановский,—после побега из киевской тюрьмы, с той же целью, как Плеханов и Засулич и тоже при содействии Зунделевича, перешедши контрабандным путем через границу, также очутились, по пути в Швейцарию, в Берлине²⁾. Совершенно независимо от Плеханова, Засулич и Клеменца, которых мы перед этой поездкой не видели, у нас составилось вполне тождественное с ними представление о немцах, и мы чуть ли не в тех же выражениях высказывали свое к ним отрицательное отношение, конечно, также не имея о них почти никаких сведений,—до того одинаково влияло тогда на нас, бакунистов, заранее составившееся, предвзятое убеждение.

Тщетными оказывались доводы и опровержения Зунделевича, являвшегося в те времена среди нас чуть ли не единственным знатоком, по литературе

1) В напечатанных в журнале «Община», выходившем в Женеве в 1878 г., ряде статей Д. А. Клеменца отчасти отразилось его, а также и, вообще, наше тогдашнее отношение к немецкой социал-демократической партии.

2) Подробности см. в моей статье «За рубежом»: «Вестник Европы», 1912 год.

и из личных встреч, германской социал-демократии. Он терпеливо, с добродушной усмешкой выслушивал от каждого переправляемого им одни и те же стереотипные обвинения немцев и затем спокойным, сдержанным тоном приводил ряд фактов и иллюстраций в защиту высоко ценимой им германской социалистической партии. А мы, повторяю, лица, совершенно неосведомленные по этому вопросу, обвиняли его в пристрастии к «ненавистным» немцам и смотрели на него с искренним сожалением. Сколько раз впоследствии и—вплоть до настоящего времени—мне приходилось встречать подобных нам, тогдашним бакунистам, слабо или совершенно неосведомленных социалистов разных направлений и фракций, которые с таким же апломбом и самоуверенностью выступали против Плеханова и нас, его единомышленников...

Единственным исключением в этом отношении из всех мне известных семидесятников, знакомых в ту пору с учением Маркса и Энгельса, был описанный мною Иван Федорович Фесенко ¹⁾: он не только не «разносил» немцев, но, наоборот, подобно Зунделевичу, ставил их значительно, неизмеримо выше не только нас, русских последователей Бакунина, но и всех других социалистов цивилизованных стран. Таким образом, эти два немцефила, исходившие из разных посылок, являлись среди нас, загниготизированных бакунистов, белыми воронами. Но возвратимся к Георгию Валентиновичу.

Укрепившись, как и все другие, уезжавшие на время за границу после непродолжительного пребывания в Берлине,— в своем отрицательном, если не сказать, враждебном, отношении к немцам, супруги Плехановы направились затем в Париж. Но в ту пору этот центр Франции еще мучительно переживал ужасные последствия жестокого кровопускания, совершенного над парижским пролетариатом его бесчеловечными победителями—злодеями Тьером и ген. Галифе. В Париже господствовало тогда уныние, был полный застой,—рабочий класс еще не оправился от понесенных им непечислимых потерь; еще не зажили полученные им глубокие раны.

Из сообщений Георгия Валентиновича об этой его поездке не могу припомнить ничего сколько-нибудь яркого, интересного,—по всей вероятности, ничего такого он тогда и не передавал. Не знаю даже, встречался ли он с французами и посещал ли какие-либо их собрания,—происходи это, он, паберно, рассказывал бы об этом впоследствии по обыкновению живо, ярко, образно, что не могло бы не удержаться в моей памяти.

После кратковременного пребывания за границей, Плеханов вернулся на родину еще более, казалось, ярым народником, чем каким он был до этой

¹⁾ См. «Один из первых наших марксистов»: «Вестник Европы», 1911 г., XII, а также брошюры «Хожение в город» и «За пол-века».

поездки. С ним повторилось то же, что до и после него случилось в то время с другими лицами, «заметавшими свои следы» на Западе: непродолжительное их пребывание там, повидимому, не производило на них никакого действия, и в их односторонних взглядах не происходило никакой перемены в сторону германских последователей Маркса и Энгельса. Наоборот, все мы возвращались из этих поездок, повидимому, еще более решительными противниками взглядов и тактики немецких социал-демократов, еще более твердокаменными бакунистами, чем какими мы были раньше. Но это только так казалось, как самим возвращавшимся из за-границы лицам, так и встречавшим их прежним товарищам; в действительности же, даже незначительное по количеству месяцев путешествие в Зап. Европу не оставалось совершенно бесследным: где-то глубоко внутри каждого из этих заметальщиков своих следов отлагалось нечто, что, нередко лишь по прошествии довольно продолжительного пребывания вновь на родине, совершенно незаметно для самого возвратившегося, выступало наружу, давало положительные результаты.

* * *

Уже в первом своем очерке, посвященном «молодости Плеханова» сообщил, что в 1875—1876 г.г. когда будучи еще студентом, Г. В. стал сближаться с членами об-ва «Земля и Воля», он относительно для того времени являлся юношей, довольно основательно изучившим «Капитал» Маркса¹⁾. Как он мне потом сообщил, этому изучению он посвятил всего дней десять, после чего лишь временами перечитывал на разных языках и в разных изданиях те или другие главы.

Нельзя также сказать, чтобы изучению «Капитала» предшествовала у Г. В. особенно обширная политико-экономическая, а тем более социалистическая подготовка. Как и другие революционеры того времени, не отрицавшие, подобно Добагорию - Мокриевичу и вообще «южным бунтарям»²⁾, чтение легальных книг, Плеханов был знаком с Ад. Смитом, а также с диссертацией Н. Зибера о теории ценности Д. Рикардо. Но главным, так сказать, научным фондом его,—как и большинства из нас,—являлся Дж. Ст. Милль с знаменитыми примечаниями Н. Чернышевского. Вот в сущности все,—если прибавить к этому еще некоторые журнальные статьи по экономическим вопросам,—чем владел Плеханов, приступая к изучению «Капитала». Оно и понятно, так как в то время он, кроме французского, не знал никакого другого иностранного языка, а на известных ему двух было тогда немного толковых сочинений по этой отрасли знаний; к тому же не следует упускать из виду, что ему тогда шел всего двадцатый год и, в качестве

1) См. «Былое», 1918 г., № 14-й.

2) См. мою статью под этим заглавием в «Голосе Минувшего», 1920—21 г.г.

усердного студента Горного института, он должен был массу времени посвящать изучению специальных наук, посещениям лекций и экзаменам. Ввиду этого можно только изумляться как до оставления института, т.-е. до зимы 1876 г., Плеханов находил время для чтения сочинений по разным отраслям, а также для занятий с рабочими, для посещения кружков, заседаний общества «Земля и Воля» и пр. Но, как я уже упомянул в первом очерке, он умел хорошо распределять свое время, старался не терять даром ни одного часа и обладал редкими способностями.

Что касается знакомства с разными социалистическими теориями, напр., с утопистами, а также с Луи-Бланом, Лассалем и др., то на этот счет у Георгия Валентиновича,—как и у других наиболее тогда образованных революционеров,—были по вышеуказанным же причинам,—довольно отрывочные и далеко не верные сведения, доказательством чему может отчасти служить следующий его отзыв, относящийся уже к январю 1879 г.: «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют блестящую плеяду представителей позитивного периода в развитии социализма» ¹⁾. Для всякого, сколько-нибудь знакомого со взглядами Георгия Валентиновича, когда он впоследствии, в 80 г.г. расставшись с народничеством, стал марксистом, ясно из приведенной фразы, что в конце 70 г.г. у него было смутное, неверное представление о воззрениях перечисленной им «блестящей плеяды», а также, что заимствовал он этот ошибочный взгляд из вторых рук, так как сам он в то время не мог познакомиться с их произведениями, потому что, кроме «Капитала» Маркса, никакие другие сочинения этого автора, а также ни единое произведение из всех остальных названных им ученых не было переведено; он же сам, повторяю, еще не владел немецким языком ²⁾.

Не лучше обстояло знакомство Плеханова, как и других образованных его современников-революционеров, с философией, без чего, как известно, невозможно выработать правильное мировоззрение. Причиной этого являлось все то же его незнание немецкого языка и почти полное в то время отсутствие на русском, как самостоятельных, так и переводных, произведений

¹⁾ «Земля и Воля», № 3 от 15 января 1879 г.; в «Сочинениях», т. I, стр. 8.

²⁾ В «Библиографическом очерке», предпосланном вышедшему в Париже в 1921 г. под заглавием «Год на родине» собранию статей Плеханова, печатавшихся в редактированной им газете «Единство» за 1917 г., Ю. Арзаев сообщает, что Г. В., сблизившись с Розалией Марковной, читал с нею книгу Ф. Энгельса «История рабочего движения в Германии (стр. XXIX). Такого сочинения нет, а было: „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“, но тогда эта книга не была переведена, а Г. В. не владел немецким языком.

Замечу, кстати, что в этом очерке много неточностей, на которые укажу со временем. Здесь замечу только, что даже год рождения Георгия Валентиновича указан неверно; он родился не в 1857 г., а в 1856 г.

если, конечно, не считать философских «трактатов» профессоров духовных академий и некоторых наших университетов. Не знаю, читал ли Георгий Валентинович эти сочинения,—мне не приходилось об этом говорить с ним,—но, если даже по присущей ему с юных лет чрезвычайной любознательности, он знакомился с этими произведениями, то можно с уверенностью сказать, что едва ли что-либо существенное дали они ему тогда.

Необходимо здесь напомнить о том своеобразном характере, какой имело в то время. начиная с 40 г.г., наше просвещение, точнее, тот состав сочинений, который преимущественно читала передовая наша молодежь и вообще лучшая часть русского общества.

II.

Как известно, еще со времен Белинского и его знаменитого кружка главным источником, из которого передовой наш слой черпал знания и развития, являлись, несмотря на все цензурные скорпионы, наши радикальные журналы. С течением времени, с воцарением Александра II и принятыми им реформами, сопровождавшимися некоторым ослаблением цензурных притеснений, указанный источник стал приобретать и нас все более выдающееся значение. Едва ли в какой другой цивилизованной стране в аналогичное время существовал журнал, имевший подобное же влияние, как «Современник» с конца 50 г.г. до его запрещения в 1866 г. Лица, не жившие в ту эпоху, не могут составить себе об этом верного представления. Влияние статей рано умершего гениального юноши Добролюбова и изумительно разностороннего Чернышевского было колоссально, ни с чем решительно не сравнимо. Недаром, как известно, тогдашние черносотенцы предупреждали III Отделение и молили самого царя в своих к нему письмах, чтобы он принял меры против агитации Чернышевского, иначе, быть страшной беде: эти дальновидные добровольные доносчики предсказывали наступление пугачевщины. И царь-«реформатор» последовал их совету, заточил «великого русского ученого и критика» в Сибири.

С прекращением,—после Каракозовского покушения на Александра II,—лучших тогда журналов—«Современника» и «Русского Слова»,—этот источник нашего просвещения перестал играть столь колоссальную роль: ни «Отечественные Записки», даже в наилучшую их пору—с конца 70 г.г. тоже до их прекращения,—ни тем более «Дело»—далеко не имели уже такого значения, как вышеназванные два журнала 60 г.г.

Но за то с середины же 60 годов у нас начинают приобретать большое влияние отдельные, главным образом, переводные с иностранных языков, сочинения значительных размеров—в двадцать и более листов, благодаря чему они не подлежали предварительной цензуре. То были преимущественно просветительного, а также тенденциозного характера произведения Дарвина,

Бокля, Флеровского, Луи-Блана, Прудона, Лассаля, а затем в 1872 г. «Капитал» Маркса и некоторые другие. С конца 60 г.г. известный тогда прогрессивный книгоиздатель — Поляков, по соглашению с кружком М. А. Натансона, вскоре затем начавшим называться по имени Н. В. Чайковского, — стал выпускать в свет книги по указанию этого кружка, который потом забирал почти экземпляры и от себя уже, через филиальные свои отделения, распространял их в провинциальных городах.

Как известно, книги этого характера также сыграли большую роль в умственном развитии нашей передовой молодежи, хотя все же далеко не такую, какую имели в свое время книжки «Современника».

Но, как эти произведения, так, в особенности, разнообразные статьи в передовых наших журналах, на-ряду с большими положительными заслугами, имели также и некоторые отрицательные стороны: давая разносторонние знания и массу всевозможных идей, понятий, мнений, этот источник просвещения, — при социально-политических условиях нашей страны в те времена, — прививал читателям недостаточно глубокое проникновение в научные вопросы, а также — эклектизм. Мне кажется, что ни в какой другой стране, переживавшей аналогичный период, не было такого большого количества революционеров, являвшихся одновременно последователями диаметрально противоположных мыслителей, школ и т. д., как это было у нас до 90 г.г., да в значительной степени, если не считать марксистов, остается вплоть до наших дней. Рядом с эклектизмом должен был господствовать также «субъективизм», недовольствующийся, как известно, монистическим взглядом на природу и историю. Отсюда неизбежным являлся у нас идеализм, которым, за редкими исключениями, проникнуты были наиболее выдающиеся наши философы, ученые и публицисты.

Но под влиянием Западной Европы, в частности немецкой философии и французского утопического социализма, с конца 30 г.г. минувшего столетия появилась у нас крохотная группа лиц, не удовлетворявшаяся эклектизмом. Наиболее ярким представителем этого течения был, как известно, Белинский в 40 г.г., а его продолжателем стал Чернышевский.

С ранних, юношеских лет и вплоть до самой своей смерти Георгий Валентинович являлся страстным почитателем названных двух великих наших критиков и публицистов. Но особенно благоговейно относился он к «неистовому Виссариону», о котором с умилением говорил мне, уже лежа на смертном одре и прося похоронить его рядом с ним.

Действительно, много родственного было у Плеханова как с Чернышевским, так в особенности с Белинским. Поэтому, несмотря на эклектизм, а также и идеализм, которыми так насыщены были 70 г.г., когда складывалось его общественное мирозерцание, он являлся одним из очень немногих у нас, уже тогда склонявшихся к материализму. Все же, — как я уже упо-

мянул,—юноша Плеханов не мог совершенно избежать того, чтобы в раннем периоде его социально-политических убеждений не имели на него того или иного влияния крупные европейские,—да и наши собственные,—авторитеты.

Неудивительно, поэтому, что в 70 г.г., на-ряду с Марксом и Энгельсом, в числе «блестящей плеяды», фигурирует у Плеханова не только Родбертус, но и Дюринг. Туда же, кроме названных мною выше—Бокля, Луи-Блана, Прудона,—следует в особенности причислить Огюста Конта, которого под влиянием Писарева и Лаврова наша передовая молодежь одно время очень высоко ставила, зная, конечно, о нем, как, впрочем, и о всех почти других европейских знаменитостях, лишь пятое через десятое,—по популярным изложениям их взглядов в передовых журналах и, в лучшем случае, по одному-другому, большей частью, неудовлетворительно переведенному сочинению.

Затрудняюсь сказать, был ли в 70 г.г. Георгий Валентинович знаком с сочинениями Конта в подлиннике, или, как и все мы, он тоже удовольствовался популярным изложением его взглядов, как бы то ни было, имя основателя позитивной философии с большим благоговением также и он произносил. Но, как известно, особенно сильное влияние имел на него М. А. Бакунин, на что имеется его собственное признание: «в народнический период моего развития,—писал он в предисловии к первому тому собраний его сочинений—я, как и все наши народники, находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории»¹⁾.

И это вполне верно. Однако не в одном только заимствовании от Бакунина «уважения к материалистическому объяснению истории» выразилось огромное влияние апостола анархии на Георгия Валентиновича; как и на всех нас, еще в более сильной степени, чем «материализм», действовал на Плеханова своеобразный социализм, революционизм и вообще сбивчивое, путанное мировоззрение Бакунина. Остановлюсь на этом несколько подробнее.

III.

Очень ясно сказалось влияние материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса на Плеханова в народническом его периоде уже в первой его статье—«Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», помещенной в №№ 3 (от 15 янв. 1879 г.) и в 4-м (от 20 февраля 1879 же года) «Земли и Воли»²⁾. Под этим «законом» Георгий Валентинович признает известное положение Маркса, гласящее, что «когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в

1) См. Госизд. Петр. 1920 г., стр. VII.

2) См. цит. Собр. сочин., стр. 7—16 и 22—29.

состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить «мучения родов» (стр. 9).

Из этого положения Плеханов делает такое заключение: так как в России еще сохранилась община, и она, следовательно, «еще не напала на след этого закона, то обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для нее не обязательна» (стр. 10).

Не будем останавливаться на приводимых им доводах в защиту положения, что наша страна может миновать «капиталистическую продукцию», так как, мол, «возможность общинной обработки земли доказывается тем, что даже при теперешних условиях эта общинная обработка существует в некоторых отдельных общинах» (стр. 10—11).

Замечу только, что сказывающаяся в этой статье страстная приверженность Георгия Валентиновича к пародничеству нисколько не помешала ему проявить редкое для того времени понимание марксовского метода, образчиком чего может, между прочим, служить следующее его рассуждение:

«Вообще, история вовсе не есть однообразный механический процесс. Да и сам Карл Маркс не принадлежит, сколько нам известно, к числу людей,

Боржая Мальтүсу по поводу его «Опыта о народонаселении», он охотно укладывающих человечество на Прокрустово ложе «общих законов». говорит, что «абстрактные законы размножения существуют только для животных и растений. Было бы очень непоследовательно с его стороны отрицать существование «абстрактных законов» в вопросе о размножении человечества и признавать их в несравненно более сложных и запутанных явлениях развития человеческих обществ. Выражаясь строже, надо сказать, что общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты; точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом—параболическую орбиту кометы» (стр. 12—13).

Это замечательное по своему глубокому пониманию марксизма рассуждение 22—23-летнего молодого человека, к тому же бакуниста, очень напоминает опубликованное впоследствии, — в конце 80 г.г., — известное письмо К. Маркса к редактору «Отечественных Записок», в котором он заявляет, что изображенный им в «Капитале» процесс экономического развития вовсе не является своего рода «passe-partout» для любой страны (не имея под рукой этого документа, привожу это на память).

И рядом с таким проникновением в метод основателей научного социализма, мы находим в разбираемой статье Г. В. явно бакунинские рассуждения, вроде следующих: «развращающее влияние современного государства... (на общину, артели и пр. Л. Д.) может быть устранено только оконча-

тельным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянину возможности устраиваться «на всей своей воле». Или далее: «таким образом, мы à priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны (?) народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие» (стр. 15).

Здесь ясно обнаруживается анархическая проповедь Бакунина. Но, кроме указания на него и Маркса, эта статья свидетельствует также о влиянии на Плеханова Конта, Дюринга и Дрепера. У первого он заимствует деление истории на известные периоды: «в истории каждого народа,—говорит Г. В. в начале этой статьи,—можно насчитывать несколько более или менее эксцентричных законодателей, мечтавших перестроить страну по планам, выдуманым в их кабинетах и санкционированным их властью. Это было время теологического периода в развитии социологии» (стр. 7). «Дюринг,—пишет он далее,—признавая вполне влияние личностей на ход общественного развития, прибавляет, что деятельность личностей на ход общественного развития должна иметь «широкую подкладку в настроении масс» (стр. 9). И, наконец, с Дрепером Плеханов соглашается в том, что: «феодализм действительно пал под соединенными ударами своих могучих противников; но не надо забывать,—пишет он далее,—что «дух», сообщивший этому движению жизнь, одушевлявший эти открытия,—был дух личности, индивидуализма. Этот принцип нашел свое политическое воплощение и произвел общественное потрясение—американскую революцию и французский переворот» (стр. 10). В скобках Г. В. выставил: «Дрепер».

Из этих иллюстраций мы видим, что в самом конце 70 г.г. Плеханов еще находился под сильным влиянием разных ученых. Но преобладающую роль все же играл тогда апостол всеобщего разрушения. Г. В. проникся не только всеми общими теоретическими воззрениями Бакунина, но также и господствующими последним практическими приемами, что тоже явствует из рассматриваемой мною здесь статьи его. Так, после того, как «Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и др.» были возведены в «титаны народно-революционной обороны», Г. В. продолжает:

«Мы пришли к «Земле и Воле». Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем» (стр. 15).

Не имея возможности, за ограниченностью места, остановиться на второй статье Георгия Валентиновича, под тем же заглавием помещенной в № 4 «Земли и Воли», даже столь бегло, как это сделано мною относительно первой, я укажу лишь на то, что вся она посвящена роли рабочих в предстоявшей, как тогда казалось, вскоре крестьянской революции. В этом

случае,—по представлению Плеханова,—да и всех нас, городские рабочие, «разойдясь по селам и деревням средней части России, из которой, главным образом, пополняется их контингент, они сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движениям, они подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения» (стр. 25).

Таким образом, здесь также сказывается все то же влияние апостола анархии,—вплоть до сравнения городских рабочих с «воровскими прелестниками» таких «титанов», как Разин и Пугачев! Во всей этой статье, трактующей о «задаче социализма в России», исходя из «закона экономического развития общества», следовательно, из указанного выше известного положения Маркса,—незаметно ни малейшего влияния последнего на практическую программу деятельности Плеханова.

В этом не было ничего странного для описываемого мною времени: тогда все почитатели и последователи Маркса придумывали «планы» деятельности в России, не находившиеся ни в малейшей связи с «законом экономического развития общества» и являвшиеся столь же утопичными, как намерения Г. В. и нас, его товарищей, народников-бунтарей, превратить рабочих в «воровских прелестников». Укажу, например, на «план», придуманный одним из первых наших марксистов, Ив. Фед. Фесенко, как превратить наших сектантов в социалистов¹⁾.

Многое еще можно было бы сказать по поводу как теоретических суждений Плеханова, так и относительно приемов практической его деятельности со времени его возвращения на родину из заграничной поездки. Но, несмотря на большой интерес, представляемый этими темами, я должен обойти их молчанием, вследствие ограниченности места, а также потому, что об этом уже имеются сведения, сообщенные самим Плехановым²⁾. Я

¹⁾ См. мою брошюру «Хождение в народ», Госизд., П. 1919 г., а также «За полвека», изд. «Задруга», 1922 г., август.

²⁾ Укажу здесь на следующие его произведения, в которых находятся такие сведения, а также и некоторые автобиографические данные: «Русский рабочий в революционном движении», «О русской соц.-демокр.», «Предисл. к Истор. рус. револ. движ.» А. Туна, и предисл. ко второму изд. I т. Собр. сочин. Плеханова, его «Письма к Лаврову» («Дела и дни», 7, 11) и др. К числу этих источников нужно причислить также хранящуюся у меня за границей (в Нью-Йорке) еще ненапечатанную рукопись, в которой Плеханов возражает на воспоминания Ольги Любатович, Н. Морозова и Саратовца, напечатавших в «Былом» за 1906—7 г.г. свои воспоминания. Об этой рукописи он, между прочим, упоминает в своей рецензии на книгу Богучарского в статье «Неудачная история партии Нар. Воля» («Совр. Мир», 1912 г.), при первой возможности постараюсь опубликовать эту очень интересную и ценную рукопись.

остановлюсь только на знаменательном в истории нашего революционного движения 1879 году, так как многочисленные события, произошедшие в этом году, сыграли очень крупную роль в жизни Георгия Валентиновича.

IV.

Начавшиеся у Плеханова, с весны указанного года, несогласия с остальными членами редакции «Земли и Воли» по поводу решения Соловьева убить Александра II, привели, как известно, к рассмотрению этого конфликта на общем съезде всех членов народнической организации в Воронеже.

С принципиальной точки зрения безусловно прав был в этом споре Георгий Валентинович, отстаивавший необходимость не изменять выработанной и в течение нескольких лет успешно применявшейся на практике народнической программы.

Как и все бакунисты, землевольцы совершали террористические акты по отношению разных представителей администрации в качестве приемов самозащиты или «дезорганизации правительства», по тогдашнему нашему выражению. Покушение же на царя, произведенное Соловьевым, выходило из указанных народнической тактикой границ и принимало явный характер политической борьбы, что, как известно, резко осуждалось нами.

Прав был также Плеханов, доказывая, что продолжение соловьевской попытки, на чем настаивали некоторые члены «Земли и Воли», неизбежно приведет к сосредоточению всех сил и средств организации на царевубийстве, а также, что это вызовет сильнейшую правительственную реакцию, вследствие чего никакая деятельность среди крестьян не будет далее возможна. Поэтому систематический террор, по убеждению Г. В., был несовместим с задачами подготовки крестьянских бунтов, к чему, как известно, стремились землевольцы и вообще бакунисты.

Дальнейший ход нашего революционного движения вполне подтвердил правильность прогноза Плеханова. Но беда состояла в том, что допущенные по отношению должностных лиц террористические акты неизбежно фатально вели к царевубийству и к борьбе за политическую свободу. Удержать этот род деятельности лишь в качестве системы «самозащиты» или «дезорганизации правительства», не затрагивая главного виновника господствовавшего в стране произвола, обуславливавшегося самодержавием, как предполагали народники, было совершенно невозможно: всегда мог найтись молодой человек, который решит убить царя, как это случилось с Соловьевым и другими¹⁾. При большей дальновидности и последовательности, чем какие

1) Известно, что одновременно с ним к тому же решению пришло еще несколько человек: Гр. Гольденберг, Логовенко, Чубаров, Виттенберг, Давиденко и др.

были у нас, бакунистов, нельзя было бы приветствовать и восторгаться покушением Веры Засулич на градоначальника Трепова, — следовало, наоборот, резко осуждать самоотверженный ее поступок, повлекший за собой ряд аналогичных и закончившийся покушением Соловьева. Теоретическая правота Плеханова и единомышленников его по этому вопросу столкнулась с несокрушимой логикой актов, и, как известно, последняя одержала верх.

Выступивший против Г. В. на съезде сильнейший оппонент—Андрей Желябов, защищавший необходимость продолжать покушения на царя с тем, чтобы этим способом добиться конституционного строя, выражал взгляды не только значительной части членов землевольческой организации, но и всего передового русского общества. Без политических свобод, доказывал Желябов, немыслима в России никакая плодотворная деятельность. В этом, как вскоре затем признал также Плеханов и мы,—его единомышленники,—Желябов был безусловно прав. Но тогда на съезде Г. В. полагал, что «не дело народников вынимать из печи каштаны для наших либералов», что «народу политические свободы не нужны», что конституция будет лишь способствовать скорейшему разложению общинного землевладения, развитию капитализма и т. д.

Прибывшие на воронежский съезд из «поселений» немногие единомышленники Плеханова очень слабо его поддержали: чтобы не допустить до назревшего раскола организации, они высказались за примирительную резолюцию; согласились на отчисление организационных средств и сил в равном размере, как для продолжения деятельности среди крестьян, так и для царевбийства. Всегда последовательный в своих взглядах Плеханов увидел в этом предложении вредный оппортунизм и, как известно, с резким протестом ушел со съезда. Он таким образом порвал с революционной организацией, одним из активнейших и наиболее выдающихся членов которой состоял с самого ее возникновения в течение трех с чем-то лет.

Столь же непримиримо Георгий Валентинович отнесся к программе возникшего, а также и погибшего в том же 1879 г. «Северо-русского рабочего союза», тоже выставившего своей ближайшей целью добиваться политической свободы.

Таким образом, летом того года Плеханов оказался совершенно одиноким в политическом отношении, что, понятно, нелегко было ему переносить. Но вскоре затем до него дошло известие, что мы, находившиеся в то время за границей—Вера Засулич, Стефанович и я,—придерживаемся тех же взглядов, как и он, и возвращаемся обратно в Россию с тем, чтобы отстаивать их среди членов об-ва «Земля и Воля», в которое мы также входили. Известие это чрезвычайно обрадовало и ободрило его, и он поспешил из Киева на свидание с нами.

Как и можно было заранее предвидеть и что уже на Воронежском съезде предсказывал Плеханов, никакого «примирения» между «деревенщиками», т.-е. сторонниками деятельности среди крестьян, и политиками, или «террористами», принятая оппортунистическая резолюция не внесла. Наоборот, недружелюбные отношения между этими двумя лагерями еще более усилились, что тормозило практическую деятельность обоих. Так дальше продолжаться не могло, и в начале осени все мы пришли к мысли, что лучше нам полюбовно поделиться, чтобы действовать совершенно самостоятельно, как две вполне друг от друга независимые организации, чем насильно числиться в одной. Вскоре затем вместо общества «Земля и Воля» возникли две организации: «Черный передел» и «Народная Воля».

V.

Со времени моей первой встречи с Георгием Валентиновичем, весной 1876 г., прошло более трех лет, что для той поры являлось чрезвычайно длинным промежутком. За истекшие годы он значительно возмужал, стал еще более серьезным и «солидным», чем каким выглядел, когда ему не было еще двадцати лет.

Мы, конечно, встретились как старые товарищи, к тому же как единомышленники,—к большому его удовольствию,—чего он, ввиду дошедших до него сперва слухов, совсем не ожидал, так как предполагал, что мы трое—Стефанович, Засулич и я—тоже примыкали к «политикам-террористам». Легко представить себе поэтому его радость, когда из обмена с нами несколькими фразами он убедился в том, что, несмотря на различные условия, в которых мы прожили предшествовавший год, мы, однако, пришли к тождественным с ним взглядам относительно революционной деятельности в России. Это могло казаться тем более удивительным, что мы, трое, почти целый год провели за границей, откуда нам труднее, чем ему, было составить себе правильное представление о гибельных последствиях, к которым влекла наше революционное движение возникшая среди членов «Земли и Воли» новая террористическая или политическая фракция.

Мы делились с Плехановым впечатлениями о западно-европейских «порядках», хотя, говоря откровенно, мы трое очень мало узнали о них за время нашего пребывания; в свою очередь, он сообщал нам о всем произошедшем как в редакции «Земли и Воли», так и на Воронежском съезде. Упомяну о следующем.

Из товарищей - соредкторов «Земли и Воли» Георгий Валентинович с особенным негодованием, смешанным с большим сарказмом, относился к Н. Морозову, проводившему в своих заметках, помещавшихся в «Листке З. и В.» «новые» взгляды на подготовку русской революции. Уж и как же доставалось бедному Н. Морозову за его еретические взгляды!

Крайне недружелюбное мнение вынес также Плеханов и о Желябове, с которым впервые встретился и «сцепился» на Воронежском съезде.

— Это совсем не наш товарищ: это споспешник либералов!—помню, восклицал он со злобой.

Вообще, вся так называемая «террористическая» фракция вызывала в нем возмущение, и по ее адресу он отпускал разные эпитеты, насмешки, остроты. Некоторых он называл «якобинцами», «бланкистами» или «ткачевцами», людьми на все способными, для которых «цель оправдывает средства»; «с такими лицами, — говорил он, — у нас нет и не может быть ничего общего».

Доставалось от него также и единомышленникам его, «деревенщикам», за их «мягкотелость» и «расхлябанность», проявленные ими на Воронежском съезде. Как я уже упомянул выше, они, по мнению Георгия Валентиновича, проявили чрезмерную уступчивость и миролюбие, чем вынудили его уйти со съезда: он обвинял их поэтому в измене товарищескому соглашению.

Особенно, помню, доставалось от него одному из этих «изменников», Николаеву, приехавшему на съезд из деревни, в которой он был сельским учителем. По сообщению Плеханова, этот в сущности добродушнейший и миролюбивейший человек, живший вдали от происходивших в центре между сочленами раздоров и склок, был одинаково расположен ко всем товарищам. Поэтому, плохо разбираясь в возникших разногласиях, он на съезде постоянно повторял: «вали валом по-прежнему», т.-е., чтобы все оставалось как раньше.

Эта фраза, которую он повторял много раз, глубоко возмущала Плеханова:

— Что поделаете с такой сорокой Якова, на все повторявшей свое— «вали валом попрежнему»!—восклицал он со злобой в голосе, сопровождавшейся, вместе с тем, саркастическим смехом.

Помню также его ответ на мой вопрос, — что собирался он делать, когда, оставшись один, он ушел со съезда?

— Что и говорить: тяжело было, — сказал он с грустью. — Но у меня от всего имеется хорошее лекарство — стремление приобрести побольше знаний: если бы вы вернулись из-за границы не как единомышленники, а, наоборот, как террористы, и не состоялось бы распадение «Земли и Воли», в которую я не вернулся бы, а целиком отдался бы наукам.

Таков приблизительно был его ответ.

Если бы мы оказались террористами, Плеханову действительно оставалось бы только посвятить себя научным занятиям, так как в единственно существовавшую тогда в России революционную организацию ни он сам не мог возвратиться, ни его прежние товарищи, на счет которых он не мало отпустил колкостей, шпилек и острот, не хотели слышать об обратном его приеме.

Ему же самому, никогда не бывшему практиком - организатором, не приходило даже на мысль создать новую группу или кружок.

Таким образом, Плеханов мог бы, как говорится, остаться совершенно за бортом,—очутиться в стороне от происходившего в России революционного движения, подобно тому, как это, например, случилось со многими выдающимися лавристами и некоторыми бакунистами. Дальнейшая судьба, а также и роль Г. В. в нашем движении, по всей вероятности, была бы тогда иной.

Вспоминая впоследствии с ним, а также с Верой Засулич и со Стефановичем об этих обстоятельствах, мы все испытывали большое удовольствие по поводу того, что оказались в одном лагере, из которого мы трое—Плеханов, Засулич и я—в течение последовавших затем почти сорока лет расходились только на непродолжительное время. Но возвратимся к концу 70 годов.

VI.

С возникновением отдельной от террористов новой народнической организации, а вместе с этим—нового подпольного органа «Черный Передел», главным редактором которого стал Георгий Валентинович, закипела работа. Кроме литературной функции Плеханов взял в свое ведение еще и дело занятий с петербургскими рабочими, среди которых он действовал уже в течение трех лет и имел довольно много связей. Но на первых же порах он был чрезвычайно ошеломлен следующим, совершенно им неожиданным, обстоятельством.

После, упомянутого мною выше, разгрома «Северно-русского рабочего союза» наиболее выдающимся,—умным, энергичным,—являлся среди многих уцелевших его членов столяр Степан Халтурин, с которым у Плеханова давно установились хорошие товарищеские отношения.

Решив, после длинного перерыва, вызванного отъездом на юг, возобновить занятия с рабочими, Плеханов отправился к Халтурину, но, по возвращении со свидания с ним, он был очень расстроен; затем, под большим секретом, он сообщил некоторым из нас следующее.

Выслушав рассказ Плеханова о произошедшем распадении «Земли и Воли» и о намерениях «Черного Передела», Халтурин заявил Георгию Валентиновичу, что он целиком присоединяется к сторонникам царевубийства,—к террористам. Более того: Степан сообщил Плеханову, что у него имеется возможность помочь террористам в их стремлении убить царя, так как ему предлагают место столяра в Зимнем Дворце. Поэтому Халтурин настоятельно просил Плеханова свести его с кем-нибудь из наиболее видных террористов.

Сколько затем ни убеждал Георгий Валентинович Халтурина отказаться от этого намерения, последний все же остался при своем решении. Это чрезвычайно огорчило Плеханова: кроме опасения, что столь выдающийся рабочий может погибнуть на бесполезном, если не на вредном для дальнейших судеб России, предприятии, Георгий Валентинович еще увидел в решении Халтурина очень опасный симптом: «если рассудительный, развитой, умный Степан готов на терроре сложить свою голову,—сказал он,—то какая же надежда, что другие рабочие пойдут с нами, а не с народовольцами?».

Как известно, Плеханов оказался не дурным пророком «в своем отечестве»: все лучшие рабочие — Пресняков, Тихонов, Тимофей Михайлов и др. — применили к террористам.

Если память мне не изменяет, Плеханов сделал еще кое-какие попытки возобновить свои связи с петербургскими рабочими и затем передал их другим товарищам — членам «Черного Передела»: сам же он всецело отдался редактированию нового органа, в 1 № которого напечатаны целых три его статьи.

Как по содержанию, так и по характеру изложения, они мало чем отличаются от его статей, появившихся в «Земле и Воле»: та же в них защита «исконных форм жизни» русских крестьян, то же превозношение народных борцов и т. д. Отмечу одну только черту, не имевшуюся в прежних его статьях, — это на-ряду с признанием «необходимости полного разрушения современного государства», в появившихся в № 1 «Черного Передела» статьях, Плеханов выдвигает «федеративный принцип в политической организации освободившегося народа», так как только полное устранение принудительного начала, на котором основаны современные государства, и свободная организация снизу вверх может гарантировать нормальный ход развития народной жизни¹⁾.

Впоследствии Георгий Валентинович очень жалел об этом своем отношении к федерализму, что явствует из его письма к Лаврову²⁾.

В статьях, помещенных в «Черном Переделе», Плеханов повторяет, что «русская социально-революционная партия не может упускать из виду положений научного социализма, которые должны служить для нее критерием при оценке различных сторон и форм народной жизни»³⁾. Он признает «социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого,—говорит он,—считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества».

Далее мы читаем: «так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только

¹⁾ См. «Собрание сочинений», стр. 42.

²⁾ См. журн. «Д. и Д.», 7. II, стр. 91.

³⁾ Собрание сочин., стр. 43.

всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться главным образом на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение»¹⁾).

Таким образом, судя по статьям Г. В., помещенным в № 1 «Черного Передела», он по-прежнему являлся ярким бакунистом, хотя и признающим некоторые общие положения научного социализма.

Однако, несмотря на решительное его отстаивание, как в литературных прсизведениях, так и устно, правильности всех народнических взглядов, а также полную соединимость их с воззрениями Маркса и Энгельса,—с той же знаменательной зимы 1879—1880 года начал точить его червь сомнения. Припоминаю некоторые, вскользь брошенные им, фразы, которым тогда ни сам он, ни тем более кто-либо из нас не придавал никакого особенного значения, между тем, как потом оказалось, в них таилось начало серьезного умственного процесса. Но в отчаянных условиях нашей, тогда нелегальной, жизни, ввиду свирепствовавшего, особенно в столице, возмутительнейшего политического режима, вызванного покушениями на царя, конечно, невозможно было останавливаться на сколько-нибудь подробном рассмотрении тех или иных тонкостей, правильности и совместимости таких-то воззрений с такими-то положениями и т. п. Когда живешь под дамокловым мечом, не зная, где проведешь ближайшую ночь, в постоянном ожидании ареста со всеми его тогда ужасными последствиями, когда поэтому всегда находишься в напряженнейшем состоянии, вечно суетишься, торопишься поспеть побольше сделать, при чем стараешься не упустить из виду массу разнообразных мелочей, от которых зависит успех или, наоборот, гибель дорогого дела и причастных к нему лиц и т. д. и т. п.,—при таких исключительных условиях никакой гениальный человек не в состоянии заниматься анализом начинающегося у него умственного процесса. Для последнего необходима нормальная спокойная обстановка, мирная жизнь, уверенность в завтрашнем дне. Ничего этого не было тогда ни у Георгия Валентиновича, ни у кого-либо из нас, его близких товарищей.

Однако, несмотря на вечную суетню, обилие занятий, беспокойств и пр., где-то глубоко в душе Плеханова таилось сомнение—верна ли защищаемая им позиция, правильны ли проповедуемые им и нами,—его единомышленниками,—взгляды? Это для меня, да и для других, стало ясно потом, когда мы вспоминали, как он неоднократно, по тому или другому поводу, восклицал с глубокой скорбью в голосе:

1) Собрание сочинений, стр. 47.

— Беда! Чувствуешь, что не хватает знаний. Учиться надо, а мыслимо ли при наших условиях! В сущности, что мы знаем? Нам многого не достает и т. д.

Несмотря на ясное сознание больших дефектов в своей теоретической подготовке, Георгий Валентинович, подобно некоторым другим, чрезвычайно богато одаренным юношам, несомненно также погиб бы на каторге, в Сибири или в Шлиссельбурге, ничего существенного не сделав для страстно любимой им страны, если бы не печально сложившиеся обстоятельства «Черного Передела».

VII.

Что созданной нами организации не везло с первых же дней ее возникновения, мы это отчасти уже видели в отношении Халтурина и других рабочих: лучшие из них, как я уже выше упомянул, шли к народолюбцам, а те немногие, которые к нам примыкали, являлись далеко не орлами,—или наименее сознательными или,—что еще хуже,—не особенно стойкими, надежными, как это вскоре затем подтвердилось на не безызвестном рабочем наборщике Жаркове.

Оно и понятно. У самого Георгия Валентиновича мы находили верное объяснение нашей неудачи среди рабочих.

«К началу 1879 г.,—писал он в своих воспоминаниях,—рабочее движение переросло народническое учение на целую голову. Наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени «Северно-русский рабочий союз», в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками... Возникновению союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней народнической точки зрения. Но программа его причинила нам не мало огорчений: в ней — о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении «высиженной утят курицы»¹⁾.

Не удивительно поэтому, что «высиженных нами утят» потянуло в воду,—к народолюбцам, поставившим себе целью путем повторных царевубийств добиться того, что, — как совершенно верно подчеркнул Георгий Валентинович в цитированных воспоминаниях,—«явилось в семидесятых

¹⁾ «Русский рабочий в революционном движении» (стр. 66—67). К слову, укажу здесь на неверное определение Плехановым времени возникновения этого союза: он относит его к концу 1879 г., когда в действительности оно произошло в конце 1878 г. Подробнее, как об этом союзе, так и о главных его основателях, кроме назв. брошюры Георгия Валентиновича, см. в моем очерке об Обнорском, в «Пролет. Революции» № 3, 1922 г., стр. 39—61.

годах прежде всего в рабочей программе, именно—требование политической свободы» ¹⁾).

Не лучше обстояло у нас, чернопередельцев, дело привлечения на нашу сторону учащейся молодежи, интеллигенции и, вообще, общества,—словом, тех слоев, из которых почти исключительно в ту пору набирались революционные кадры. Раз'ехавшиеся в разные, преимущественно университетские, города, члены «Черного Передела» вскоре убедились в том, что наши воззрения и цели нисколько не являются привлекательными: симпатии всех склоняются на сторону наших политических противников—террористов. Александр II, столь блистательно начавший свое царствование, к этому времени не только потерял всякую популярность среди сколько-нибудь просвещенных, культурных слоев населения, но возбуждал к себе глубокую ненависть и страстное желание, чтобы террористы поскорее его убили. Поэтому многие готовы были внести на это дело свою долю и совершенно отказывались чем-нибудь существенным поддержать нас и наши практические предприятия.

Но еще неизмеримо более печально обстояли наши связи с крестьянами: там у нас решительно ничего не было.

В предшествовавшее время произошли сильные разгромы, вызванные сделанным раскрытием, что Соловьев перед тем как отправиться на царевубийство находился среди крестьян «в поселении». Вследствие установления этого факта, полиция вычистила почти до тла села и деревни от присутствия в них сколько-нибудь подозрительных людей. За этим строго следил вновь учрежденный тогда большой штат урядников.

Ввиду этих обстоятельств попытки Якова Стефановича, Мих. Род. Попова, Николаева и др. товарищей, имевших раньше сношения с крестьянами, вновь завязать их, не привели ни к чему. Между тем, в качестве народнической организации, задавшей, согласно нашим бакунистским воззрениям, целью готовить почву, а также вызывать и принимать самое активное участие в могущих происходить бунтах,—«Черный Передел» терял всякий смысл существования без сколько-нибудь значительных связей среди крестьян.

Получалась полнейшая бессмыслица: существовал более или менее налаженный штаб при полном отсутствии какого-либо войска.

Это трагическое положение нашей организации выяснилось уже в ноябре - декабре, т.-е. после пары месяцев, прошедших со времени ее возникновения. Одно это уже было вполне достаточно, чтобы вызвать у нас целый ряд самых серьезных вопросов. Но к указанным обстоятельствам присоеди-

¹⁾ «Русский рабочий и т. д.», стр. 69.

нялось еще одно, чрезвычайно важное, заставившее некоторых товарищей забить тревогу.

Дело в том, что, после произведенного народовольцами взрыва царского поезда около Москвы в ноябре того же 1879 г., еще более усилились всякие строгости, преследования, аресты и казни; происходили повальные обыски в домах, при чем забирали, конечно, много и ни в чем не повинных лиц. Между тем у правительства и администрации составилось совершенно ложное представление, будто во главе революционной организации,—так называемого «исполнительного комитета», стоят: Плеханов, Засулич, Стефанович и я. Поэтому, попадись мы, нас несомненно казнили бы. Мы, таким образом, могли поплатиться за вполне чуждое нам дело,—за деятельность, которая, по нашему тогда глубокому убеждению, не только не могла ускорить, но, наоборот, должна была задержать дальнейший ход нашего революционного движения, что впоследствии вполне подтвердилось.

Случилось так, что в конце декабря съехались в Петербурге некоторые из товарищей, находившиеся в разных городах на юге. При обмене сведениями и впечатлениями из поездок, естественно встал перед нами вопрос: что делать? Что предпринять нашей организации, ввиду сложившихся в стране и изложенных выше обстоятельств. Для всех собравшихся на общей «конспиративной квартире», в числе которых находились и, перечисленные мною выше, особенно сильно разыскиваемые четыре члена «Черного Передела», было ясно, что наступила полоса увлечения террором, и пока она не пройдет, наши стремления—действовать среди крестьян—не смогут осуществиться. Оставалось, следовательно, ждать, продолжая только издавать литературный наш орган и ведя пропаганду, по мере возможности, среди рабочих и интеллигенции. Тогда некоторые товарищи—Аптекман, Тищенко, Пьянков—стали настаивать, чтобы Плеханов, Засулич, Стефанович и я отправились за границу выжидать наступления более благоприятного в России времени для революционной деятельности.

Никому из нас не хотелось, оставив поле брани, превратиться, как мы опасались, на продолжительное время в эмигрантов; но, в конце концов, мы вынуждены были подчиниться единодушному постановлению товарищей. Менее остальных из нас упирался Георгий Валентинович, как человек, привыкший к дисциплине, кроме того, он сейчас же увидел положительную сторону в этой поездке—возможность удовлетворить свою жажду знаний, пополнить замечаемые им у себя пробелы.

Более других колебался я. Заметив это, Плеханов стал склонять меня доказывая, что нет смысла, оставаясь в России, погибнуть вскоре «в чужом пиру».

— Нет, лучше, поедem за границу учиться!—говорил он.

В январе 1880 г. мы четверо вновь отправились за границу, в Швейцарию. Здесь, скажу к слову, что впоследствии, несмотря на многие, вынесенные мною

там далеко не отрадные впечатления, мне никогда не приходилось жалеть, зачем я последовал предложению товарищей и совету Георгия Валентиновича. Наоборот, как им, так, в особенности, Плеханову, я всегда был—и остаюсь за это очень признательным.

VIII.

По приезде в Женеву, Георгий Валентинович, не теряя задаром лишнего часа, засел за занятия. Насколько могу припомнить, кроме разных других, связанных с научным социализмом вопросов, он стал по первоисточникам изучать все, что относится к I Интернационалу. При этом в его памяти до того запечатлелись статуты последнего, что он наизусть приводил их один за другим, чем, помню, вызывал большое изумление у старых, осведомленных членов Международного общества.

В деле ознакомления с Интернационалом, который столь многое давал для понимания научного социализма, взглядов и метода Маркса, а также применения его положений на практике, в чрезвычайно сильной степени помогло Плеханову его прекрасное знание с детства французского языка, а на нем были напечатаны все документы, протоколы, манифесты и пр.

Рядом с этим, Георгий Валентинович знакомился с такими произведениями, как «*La misère de la philosophie*» и сочинение Прудона — «*Philosophie de la misère*», по поводу которого был написан Марксом только — что названный его ответ.

Помню, в какой восторг пришел Плеханов от этого произведения и какие он при этом расточал похвалы по адресу Маркса. В то же время он выражал большое сожаление, что, вследствие незнания немецкого языка, лишен возможности читать в подлиннике другие сочинения его и Энгельса. Но тогда же он вплотную принялся за изучение немецкого языка, в чем делал неизменно быстрые успехи.

Как и раньше, находясь в Петербурге, Георгий Валентинович, очутившись среди женевских эмигрантов, так же умело распределял свое время, при чем, повторяю, в отличие почти от всех своих соотечественников, не терял даром времени.

Наше с ним прибытие за границу совпало с заметным увеличением там контингента эмигрантов разных национальностей, которые населяют обширную русскую территорию. Усилившиеся в России чрезвычайные репрессии, вызванные, как я уже упоминал, террористическими актами, не мало способствовали этому увеличению количества наших эмигрантов.

Каждого из нас, конечно, интересовали переживания, впечатления, сообщения других, чем мы и делились друг с другом, встречаясь в нашей русской библиотеке, в столовой знаменитой *madame Грессо*,—вдовы ком-

мунара, пользовавшейся среди нас общей симпатией,—а также, конечно, в излюбленных нами *café*. Но, кроме этих мест, все эмигранты охотно посещали наши регулярные еженедельные собрания, на которых делались доклады по каким-нибудь вопросам, после чего происходили дискуссии.

Почти одновременно с нами приехали в Женеву также Н. Морозов, Ольга Любатович, Г. Романенко, Арончик и некоторые другие террористы. Тогда на общих наших собраниях стали дебатироваться самые животрепещущие в России вопросы,—о взглядах и тактике возникших незадолго пред тем двух революционных организаций—«Народной Воли» и «Черного Дела». Тут-то сразу показал себя Георгий Валентинович.

Славу выдающегося «оратора» он приобрел еще до демонстрации на Казанской площади, почему за ним и укрепилась эта кличка. Но до описываемого мною теперь второго его приезда за границу, ему немного представлялось случаев целиком проявлять себя, а также дальше развивать заложенные в нем колоссальные дарования. Ввиду, не раз уже упомянутых мною, господствовавших тогда в России разных строгостей и преследований, совершенно невозможным являлось устройство сколько-нибудь значительных революционных собраний. Да и самый характер наших тогдашних сходов, происходивших без председателей, при общем галдеже, не мог, конечно, способствовать развитию ораторского искусства. Правда, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, Плеханов, по общему признанию, выделялся на происходивших зимой 1877—1878 г. в Петербурге сходах, на которых велись горячие дебаты между «бакунистами» и «лавристами». Не менее искусным полемистом показал он себя также и во время происходивших у нас споров со сторонниками террора перед распадением «Земли и Воли».

— Что за ужасное ядовитое жало у вашего Жоржа!—помню, с возмущением сказал мне однажды Желябов, которому, действительно, жестоко досталось пред этим от Георгия Валентиновича, хотя, как известно, он и сам не был лишен дара слова.

Все же, только очутившись в демократической республике, в которой издавна господствует, полная свобода собраний, слова и т. д., Плеханов получил возможность вполне развернуться, целиком показать себя, что, как я уже упомянул, он и сделал на одном из первых же наших эмигрантских собраний.

Эти наши женевские собрания уже в ту пору носили почти вполне западно-европейский характер: они происходили в большом отдельном помещении, уставленном столиками и стульями, определенного ресторана, «по консомации» т. е. за уплату пришедшими за потребованный каждым напиток (или кушанье). Затем собравшиеся выбирали из своей среды председателя и т. д. Даже самый состав участников женевских собраний в значительной степени был иной, чем на наших подпольных сходах в России: на

последних бывал только свой брат, ровесник, молодой революционер, а на женевские собрания, кроме такой молодежи, являлись также пожилые, а то и старые, почтенные эмигранты: Н. И. Жуковский, Христофоров, Жеманов, Л. Мечников, Драгоманов, отличавшиеся от большинства не только своим возрастом, но и образованием, опытностью и пр. Естественно поэтому, что молодые эмигранты не могли чувствовать себя на этих собраниях так просто и непринужденно, как на подпольных русских сходках. Наоборот, преобладающее большинство их сильно конфузилось, не решалось вслух проронить слово. Ничего подобного, видимо, не испытывал Плеханов с первого же раза. Не помню, кто явился докладчиком,—может быть, он же сам. Знаю лишь, что одним из оппонентов, защищавших от его нападок народолюбцев, выступил пользовавшийся всеобщим уважением и любовью—С. М. Кравчинский (он же Степняк). В высшей степени корректный, деликатный и гуманный «Сергей», как все мы его называли, не обладал никакими ораторскими способностями; все же мысли свои он решался высказать на описанных собраниях. Говорил он просто, без всяких претензий, никогда никого не задевая и пр.

Георгий Валентинович не считал нужным считаться ни с положением, которое Сергей занимал среди эмигрантов, ни с выдающимися его качествами, ни со слабостью его, как оппонента: Плеханов набросился на него со всем присущим ему пылом, задором, едкостью,—словно Кравчинский являлся не близким ему товарищем по «Земле и Воле», в которой оба еще недавно с остояли редакторами, а заклятым врагом.

На присутствовавших этот диспут произвел очень тяжелое впечатление: симпатии не были на стороне Г. В.,—наоборот, многие после этих дебатов стали на сторону Кравчинского. Но, вместе с тем, в Плеханове все признали выдающегося оратора и полемиста, которого опасно затронуть, так как он обладает очень «ядовитым жалом».

Тогда же установилась за ним репутация не по летам всесторонне образованного молодого человека. Приведу по этому поводу два вспомнившихся мне теперь случая из того периода.

На одном из описанных мною выше собраний бывший проф. М. Драгоманов коснулся малороссийского казачества. Как историк, к тому же специалист по Украине, Драгоманов был буквально изумлен, когда он затем услышал некоторые замечания Плеханова по этому вопросу, обнаружившие его знакомство с соответствующей, довольно специальной, литературой. Случилось так, что, по окончании этого собрания, мы вышли втроем—Драгоманов, Плеханов и я,—при чем они продолжали вести разговор на ту же тему.

— Скажите, Г. В., где и когда вы успели прочитать все это? — помню, спросил с чрезвычайным удивлением этот специалист, назвав некоторые приведенные Плехановым источники.

— Я провел в прошлом году несколько месяцев в Киеве, там удалось мне достать их,—ответил Плеханов.

Когда, прошедши пару кварталов, он, попрощавшись, расстался с нами, Драгоманов заметил:

— Да, Плеханов не то, что другие бунтари, отрицающие знания и затевающие восстания в местностях, о которых они ничего почти не знают.

Драгоманов, очевидно, кидал камешек в наш огород, чигиринцев, которых он перед тем упрекал в незнании истории Украины, Запорожья, Гайдамачины и т. п.

Другой случай касался доклада «о бже и чорте», сделанном известным Львом Ильичом Мечниковым на одном из наших эмигрантских собраний: тогда повторилось почти буквально то же, что было с Драгомановым,—Мечников также выразил удивление по поводу знакомства Г. В. с литературой этого вопроса.

IX.

Перед нашим отъездом из Петербурга товарищи по организации «Черн. Перед.» просили нас по мере сил помогать им из-за границы в их предприятиях; при этом они обещали держать нас в курсе дел, а также поддерживать нас в материальном отношении. Кроме того, в целях пропаганды они считали полезным, чтобы, помимо, относительно, небольшого органа, каким являлся «Черн. Перед.», выходил еще в свободной Швейцарии большой периодический или, в крайнем случае, неперіодический журнал нашего направления: они обещали прислать нам средства, необходимые для осуществления этого полезного предприятия, так как, после прекращения в предшествовавшем году журнала «Община», выходившего в течение 1879 г. в Женеве, никакого другого органа бакунинского направления на русском языке за границей не было.

Плеханов должен был явиться главным редактором этого нового журнала и, за невозможностью из-за границы также редактировать печатавшийся в Петрограде «Черн. Пер.», он все же собирался сотрудничать в нем.

Таким образом, помимо научных занятий для «заполнения своих пробелов», Георгию Валентиновичу предстояла также полезная общественная деятельность, в качестве литератора в революционных изданиях. Но, увы, этим планам не суждено было осуществиться: довольно скоро после нашего прибытия за границу мы получили тяжелое для нас известие, что, вследствие выдачи рабочего Жаркова, забрана наша типография вместе с набравшимся в ней, но еще не совсем законченным первым номером «Черн. Пер.», а также арестованы почти все находившиеся в то время в Петербурге члены нашей организации.

Этот разгром был непоправимым ударом для нас лично, а также нашего направления—революционного народничества. С арестом большинства членов нашей организации нельзя было рассчитывать не только на возможность создания за границей журнала, но даже на возобновление «Черного Передела» в Петербурге, что вскоре затем и подтвердилось. Вследствие этого разгрома изменялось совершенно наше положение, четырех вышеназванных лиц, намеревавшихся помогать из-за границы народническому направлению. Особенно в этом отношении ухудшалось положение Георгия Валентиновича: он не мог уже всецело отдаться умственным своим занятиям, так как ему приходилось значительную часть времени уделять на добывание средств к существованию.

Между тем, в феврале 1880 г. в Париже произошло одно довольно печального характера происшествие, привлечшее на себя внимание всего цивилизованного мира: там был задержан русскими агентами участник взрыва под Москвой царского поезда, Лев Гартман, и русское правительство употребляло самые энергичные хлопоты, чтобы добиться выдачи его Францией. Последняя, искавшая тогда, в целях реванша, в России союзницу, не прочь была исполнить желание царя; но этого мы, эмигранты, не хотели допустить, для чего подняли на ноги наиболее радикальную часть французской демократии. Между прочим, с этой целью наша женевская колония отправила в Париж двух своих представителей: старого эмигранта, друга Бакунина и секретаря русской секции в Интернационале—Н. И. Жуковского и Плеханова. Георгий Валентинович по приезде в Париж, в числе двенадцати русских делегатов во главе с Лавровым, отправился к всеильному тогда председателю палаты депутатов, Л. Гамбетта, хлопотать, чтобы Гартман не был выдан России¹⁾. Известно, что после долгих тревог и опасений удалось добиться того, что просьбу русского правительства республиканская Франция отклонила,—Гартман был только выслан в Лондон.

Во время этого посещения Парижа Георгий Валентинович, сообщая с Лавровым и некоторыми другими тамошними нашими эмигрантами, положил основание довольно полезному издательству, названному «Русской социально-революционной библиотекой». Два года спустя в этом издательстве появился, в переводе Плеханова и с предисловием его, а также Маркса и Энгельса, знаменитый «Манифест Коммунистической партии», сыгравший, как известно, колоссальную роль в социалистических движениях всех цивилизованных стран и в России—в частности.

Для «Социально-революционной же библиотеки» Плеханов, по поручению членов этого издательства, написал объявление о ее задачах, плане и пр.

¹⁾ Об этом представлении русских эмигрантов и об оказанном им Гамбеттой приеме, а также о речи, произнесенной Лавровым, Г. В. потом рассказывал с большим юмором, но я не буду здесь на этом останавливаться.

Он, вообще, принял очень активное участие в этом предприятии, что отчасти видно из недавно опубликованной мною его переписки с Лавровым ¹⁾.

Во время этого пребывания Г. В. в Париже, продолжавшегося всего пару-другую недель, у него установились довольно близкие, почти приятельские отношения с Лавровым, несмотря на чрезвычайно значительную разницу в их летах, темпераментах и воззрениях: известно, что Петр Лаврович был типичным эклектиком, а потому слишком терпимым к самым противоположным взглядам. Георгий Валентинович, наоборот, с юных лет тяготел к единству, последовательности и всегда отличался большой нетерпимостью. Но в отношении Лаврова он был очень сдержан и до некоторой степени даже уступчив,—если это касалось несущественных разногласий. Это, главным образом, объяснялось искренним уважением, которое в то время—вплоть до разрыва, последовавшего в 1883 г.,—он питал к Петру Лавровичу, ввиду сложившихся между ними отношений. Отчасти играло в этом также роль чувство признательности и благодарности Г. В. к Лаврову за его заботливое и участливое к нему отношение, что ясно видно из упомянутых писем его к Петру Лавровичу. В одном из них, в № 8, от 31 окт. 1881 г., Плеханов написал: «с тех пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях», но из дальнейшего содержания этого письма видно, что эти строки были вызваны чувством глубокой его благодарности Лаврову за поддержку, снабжение материалами, за советы, указания, рекомендации. «Благодаря Вашей поддержке,—продолжает он,—я, быть может, получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти или задолжания без надежды уплаты. Еще раз благодарю Вас, Петр Лаврович» ²⁾.

Только влияние особенного настроения, вызванного указанным выше чувством, можно объяснить цитированные строки, в которых Плеханов признает Лаврова, наряду с Марксом и Чернышевским, «любимейшим» автором. Ни до, ни после этого письма Г. В. решительно никому из самых близких ему лиц никогда не говорил ничего подобного; к тому же из всех его писаний и многочисленных устных его отзывов о Лаврове известно, что в качестве «воспитателя и развивателя» молодежи Плеханов всегда очень невысоко его ставил,—куда ниже не только Белинского, но даже Бакунина или Герцена, которых, однако, он не упомянул в перечне его «любимейших авторов». Ясно, что это было написано под влиянием минутного настроения.

В описываемое мною время, т.-е. начиная с зимы 1880 и до конца 1882 г., Лавров в своих политических взглядах вполне сходиллся с нами,

¹⁾ См. журн. «Дела и Дни», Госизд. Петр. 1922 г., т. II, стр. 78—103.

²⁾ Цит. журн., стр. 86.

чернопеределцами, и совершенно отрицательно относился к народовольцам, о чем он неоднократно, как устно, так и в своих письмах, заявлял некоторым из нас. В указанные годы Петр Лаврович принимал довольно активное участие почти во всех наших предприятиях и планах, он сотрудничал в «Черном Переделе» и пр.

Этому отношению его к нашему направлению и к небольшому кружку его представителей за границей мы обязаны были, главным образом, Георгию Валентиновичу, которого Лавров чрезвычайно высоко ценил, считая его богато одаренным от природы человеком и предсказывая ему блестящую будущность. Лавров рано оценил также ораторские дарования Плеханова: не помню уже по какому поводу Петр Лаврович сказал однажды:

— А из вас, Г. В., х о р о ш и й вышел бы адвокат.

Сказал он это, насколько могу припомнить, не в укоризненном, а в похвальном смысле.

Х.

Непродолжительное пребывание Плеханова в Париже весной 1880 года, когда столица Франции стала оживать, наполняясь, ввиду об'явленной амнистии, возвращавшимися из ссылки и эмиграции коммунарами, оказало на него благотворное впечатление: кажется, он тогда же решил совсем туда перекочевать, дождавшись приезда за границу Розалии Марковны, — второй его жены, с которой он сблизился за год или полтора до того.

Вскоре после его возвращения в Женеву, туда приехала от уцелевших членов нашей чернопеределческой организации, во главе которых стоял наш старый друг — Павел Борисович Аксельрод, уполномоченная — Евгения Козлова-Рубинчик. Она привезла нам от российских товарищей несколько писем, рукописей и кое-какие материальные средства, как для издательства за границей, так отчасти и на наше пропитание.

Приезду делегатки мы очень обрадовались, — он показывал, что не все еще погребено в нашей организации. В привезенных ею письмах товарищи просили нас переиздать первый номер «Черн. Перед.» за границей, так как из законченного печатанием в петербургской подпольной типографии до ее ареста успели вынести всего несколько экземпляров. Они также просили нас выпускать там же и следующие номера нашей газеты, вплоть до того времени, когда им удастся вновь наладить в России подпольную типографию. Рубинчик привезла также «программу» и к ней значительных размеров «объяснительную записку», составленные П. Б. Аксельродом для предполагавшегося за границей журнала, о чем я уже выше упомянул.

В привезенном этой делегаткой обширном письме Павел Борисович обнадеживал нас, что в материальных средствах на эти издания задержек не будет. Все это было очень отрадно, утешительно после испытанного нами

огорчения, когда мы узнали о постигшем нашу организацию разгроме вследствие выдачи Жаркова.

Одно лишь небольшое сообщение Аксельрода несколько ослабляло нашу радость по поводу его предложений и посылок: в число постоянных сотрудников задуманных русскими товарищами литературных изданий он предложил нам пригласить Драгоманова, с которым находился в хороших, если не сказать—приятельских—отношениях; в значительной степени Аксельрод тогда сходиллся с ним во взглядах, в особенности, на счет федерализма и «угнетенных национальностей».

Мы же,—Плеханов, Стефанович и я,—наоборот, довольно скоро распустили Драгоманова и стали с ним сперва в официальные отношения, которые быстро затем, вследствие наших с ним столкновений, произошедших на описанных выше женевских собраниях,—перешли в крайне враждебные ¹⁾. Ввиду этого, совместное с ним сотрудничество мы считали совершенно невозможным и решительно отказались исполнить просьбу Аксельрода: ни в «Черный Передел», ни в журнал мы Драгоманова не пригласили, что, конечно, в сильной степени восстановило против нас этого умного, но мелочного, самолюбимого и крайне обидчивого человека.

Приблизительно с того времени и отчасти под влиянием столкновений с Драгомановым начался у Плеханова поворот от бакунизма, анархизма и федерализма к государственности и централизму.

Выше я сообщил, как Георгий Валентинович в № 1 «Черного Передела» защищал «федерализм», о чем, два года спустя, в письме к Лаврову заявлял следующее: «Я очень жалею теперь, что я согласился участвовать в «Черн. Пер.», как «органе социалистов-федералистов». Я связан теперь в своей полемике с Драгомановым, с которым рано или поздно нам придется воевать не на жизнь, а на смерть ²⁾».

Но, само собою разумеется, не одни лишь разногласия с Драгомановым повлияли на Плеханова так сильно, что из горячего защитника федерализма он в течение короткого промежутка времени превратился в ярого его противника: в этом вопросе, как и решительно во всех других социально-политических, преобладающую роль сыграло более основательное его ознакомление со всеми крупнейшими произведениями основателей научного социализма, а также, вообще, с ходом развития западно-европейского рабочего движения.

Я уже упомянул о том, что Плеханов делал быстрые успехи в немецком языке: вскоре он начал довольно свободно читать многочисленные на этом

¹⁾ Подробно это описано мною в статьях, печатавшихся в «Вестн. Евр.» за 1913 г. «Драгоманов в изгнании» и «Общественная и украинская эмиграция»

²⁾ Цит. «Письмо», № 1-, «Д. и Д.», стр. 91.

языке популярные брошюры, изданные германской социал-демократической партией. Насколько могу припомнить, уже в конце лета, когда приехала в Женеву Розалия Марковна, он читал с нею знаменитую брошюру Фр. Энгельса против Дюринга, незадолго пред тем появившуюся в отдельном издании и имевшую огромный успех. Георгий Валентинович был в восторге от этого произведения, чрезвычайно его расхваливал и рекомендовал другим. Он называл эту книжку «классическим трудом», говорил, что она очень многое выясняет для понимания научного социализма и пр. На-ряду с этой, Плеханов почти так же высоко ценил другую книгу того же автора—«Die Lage etc.», да и вообще все брошюры Энгельса: «Zur Wohnungsfrage», «Der Bauernkrieg», «Die Sociales aus Russland», «Die Anarchisten an der Arbeit» и т. п.

Одну за другой прочитывал он эти и аналогичные и небольшие произведения, одновременно упражняясь в скором чтении и знакомясь с массой новых мыслей, суждений, а отчасти также и фактов, сведений. От этих популярных брошюр он затем перешел к чтению серьезных и крупных сочинений на новом для него иностранном языке, что, помню, его чрезвычайно обрадовало, так как раньше, чем он приступил к изучению немецкого языка, ему казалось, что он не скоро будет в состоянии настолько с ним освоиться.

Но мере того, как Георгий Валентинович знакомился с произведениями Маркса и Энгельса, а также и их многочисленных последователей в Германии, изменялось его отрицательное отношение к немцам, вообще, и к социал-демократам—в частности: по их адресу он уже не отпускал острот, не высмеивал их, наоборот, все чаще стал он восхвалять и даже превозносить их над всеми остальными цивилизованными нациями, хотя непосредственно, лично, помнится, не знал ни единого немца.

От изучения произведений социалистов Плеханов перешел к чтению немецких поэтов—Гете, Шиллера, Гейне, Фрейлиграта, Гервега—в подлиннике, при чем очень скоро стал наизусть декламировать большие отрывки из них, в особенности—из «Фауста», которого ставил чрезвычайно высоко.

Благодаря своим редко встречающимся умственным дарованиям и необычайной любознательности, Г. В. неизменно быстро шел вперед, чем, повторяю, он вызывал всеобщее изумление, а у нас, ближайших его товарищей, сверх того, и восторг. Беседовать с ним, слушать, как от сообщений из серьезных научных произведений он вдруг перескакивал к передаче юмористического эпизода или остроумного анекдота, было истинным наслаждением.

Мы встречались ежедневно и все более тесно сходились. Под влиянием обильно расточаемых им похвал по адресу основателей научного социализма, я и Вера Засулич также стали знакомиться с их произведениями и некоторых из их последователей, что, понятно, еще сильнее сближало нас. Таким обра-

зом, наш небольшой кружок являлся единственным в ту пору среди всех находящихся в зап. Европе русских эмигрантов, который стал знакомиться в 1880 году с немецкой социалистической литературой. В этом отношении мы многим были обязаны Г. В.

Но, как известно, человек не скоро расстается с давно усвоенными им взглядами: даже когда все основания, на которых они держались, уже опровергнуты, все же по привычке, по инерции они долго еще сохраняются. Так было и с нашими народническими взглядами,—этой «прилипчивой болезнью», по выражению Плеханова.

В сущности уже к осени описываемого мною здесь года ни Г. В., ни Вера Ивановна, ни Аксельрод, в то время тоже эмигрировавший за границу, ни я не разделяли более взглядов Бакунина, не верили уже ни в «устои», ни во всевозможные добродетели, будто бы присущие нашим крестьянам; к тому же политические свободы и конституция не только не казались уже нам «вредными», «буржуазными» учреждениями, а, наоборот, мы признавали их необходимыми для дальнейшего развития революционного движения в России.

Однако мы не только другим, но и себе самим еще не признавались в этом. Новые взгляды уживались с прежними, нисколько не мешая одни другим.

Поэтому мы продолжали вести сношения с немногими уцелевшими от арестов и находившимися в России народниками, заботились о печатании за границей соответствующих изданий, о переправе их контрабандным путем и пр.

В России между тем, после взрыва, произведенного Халтуриним в Зимнем дворце в феврале того же года, произошло значительное ослабление господствовавшего в нем жестокого политического режима: назначенный царем не то своим заместителем, не то диктатором—ген. Лорис-Меликов объявил «диктатуру сердца», в воздухе запахло «весной», конституцией. Все это не могло, конечно, не отразиться на взглядах и настроении нашей эмиграции вообще, и нас, небольшой группы выброшенных за борт «чернопередельцев»,—в частности.

«Народная Воля», быстро выросшая, благодаря покушениям на царя, во всемирную известную революционную «партию», все более привлекала к себе симпатии как передовой части нашего общества, так и молодежи. А мы продолжали утверждать, что успех террористов временный, непрочный.

«Ну, удастся им убить царя,—говорили мы,—от этого ничто не изменится». Но лучше приведу подлинный взгляд Георгия Валентиновича, изложенный им во втором номере «Черного Передела», вышедшем в начале сентября в Женеве, а не в Лондоне, как из предосторожности обозначена была передовая статья.

«Один из Александров — II или III — это, в сущности, все равно, — писал Плеханов, — вынужден будет высочайше пожаловать конституцию, которая удовлетворит интересам высших классов. На минуту нарушенное согласие между ними и монархом восстановится, голодающему народу кинут корку — другую хлеба, охранителей из «департамента» заменят охранители из Земского Собора, и «порядок» будет восстановлен к общему удовольствию всех, заинтересованных в его сохранении» ¹⁾).

Ввиду того, что эта передовая статья, несомненно, выражала наши общие взгляды, в значительной степени отличавшиеся от изложенных в предыдущем номере «Черного Передела», я позволю себе привести из нее еще некоторые выдержки.

«В этом споре за власть между отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазией, какую роль будут играть социалисты? — спрашивал далее Г. В. — Сосредоточат ли они свои силы на политической борьбе, или найдут для себя в народе дело более плодотворное, более достойное партии, написавшей на своем знамени экономическую революцию в интересах трудящихся масс?» И на эти вопросы, сформулированные вполне в народническом духе, он, однако, отвечает уже иначе, чем полагалось бакунисту, считавшему конституционный строй вредным для трудящихся масс.

«Конечно, не нам, отрицающим подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России, — писал Плеханов далее, — не нам, которым борьба с существующим режимом стоила страшных усилий и стольких тяжелых потерь — желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем ²⁾... На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России».

Сообщив затем, что всюду замена одного режима всегда сопровождается народными брожениями, Плеханов высказывает далее предположение, что то же может повториться и у нас, а в этом случае, заявляет он: «было бы очень печально, если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волнениям совершаться без нашего участия, воздействия и влияния.... Мы должны поставить деятельность в народе превыше всех задач, как источник нашей силы и наших успехов в борьбе с врагами»...

Затем Г. В. перечисляет несколько случаев, происходивших среди трудящихся масс волнений, в которых, по его мнению, революцио-

¹⁾ Собр. сочин. Госизд. 1920 г., стр. 56.

²⁾ Курсив везде мой. Л. Д.

перы должны были бы принять активное участие, чего, к выражаемому им сожалению, не было.

«Одно только Чигиринское дело,—пишет он,—было попыткой утилизировать спорадически вспыхивающие в крестьянстве волнения, с целью создания в его среде более или менее широкой революционной организации, и результаты этой единственной в своем роде попытки едва ли подтверждают основательность... пессимистических взглядов».

В чем же, по мнению Г. В., проникшегося в то время в еще более сильной степени взглядами Маркса и Энгельса чем раньше, должна была состоять практическая задача русских революционеров? Вот послушаем: «...В минуты, когда народное внимание будет возбуждено политическими событиями в стране,—писал он далее,—социалистическая пропаганда словом и делом (?) приобретет особенно важное значение и особенно внимательных слушателей; мы утверждаем также, что если начнутся в народе волнения, на обязанности нашей интеллигенции лежит их расширение, организация и внесение в них возможно более широкой революционной идеи. Но для этого нужно иметь предварительно связи в народе, нужно упрочить себе положение в его среде».

Как видим, Г. В. и мы—остальные—продолжали строить наши планы на крестьянских волнениях, вплоть до ссылок на нашу чигиринскую попытку с фальшивыми царскими манифестами. Возможна ли лучшая иллюстрация косности и инерции в идейной области?

Но, быть может, читатель, незнакомый с нашими тогдашними взглядами, предположит, что Плеханов в вышеприведенных цитатах под трудящимися массами имел в виду не крестьян, а рабочих, так вот его собственные слова:

«Когда мы говорили об условиях и способах социалистической деятельности в России, мы имели в виду главным образом крестьянскую среду... Но это не значит, чтобы в целях наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм. Мы совсем не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицание невозможно для нас уже и потому, что мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России. В настоящее время промышленное развитие России ничтожно, и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Поэтому, говоря о практической деятельности, мы главным образом имеем в виду экономический быт, нужды и требования земледельцев... Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит

на одном месте... центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам»¹⁾).

По поводу высказанных Плехановым в этой статье взглядов у нас происходили довольно горячие споры.

Надо здесь заметить, что еще пред отъездом из Петербурга у меня явилось некоторое сомнение относительно правильности занятой нами позиции как по поводу деятельности среди крестьян, так и террора. Говоря иначе: я склонялся к взглядам народолюбцев и хотел остаться в России, чтобы присоединиться к ним; но не сделал этого лишь из чувства товарищества. Поэтому, когда Плеханов прочел в рукописи Стефановичу и мне цитированную мною выше статью, я находил, что изложенные в ней взгляды в сильной степени уже сближают нас с террористами, а для полного сближения следует отказаться от проповеди необходимости заводить «связи в народе и от упрочения своего положения в его среде», так как это вновь возвращает нас к устройству «поселений», что безусловно отжило свое время и более не возвратится.

Ни Г. В., ни, в особенности, Стефанович, всегда более тяготевший к деятельности среди крестьян, чем я,—не соглашались со мною: им представлялось еще возможным вызвать среди революционеров стремление отправиться в села и деревни, что мне уже казалось тогда неосуществимой утопией. К тому же я находил не совсем тактичным предлагать другим «завязывать связи в народе», когда сами-то мы покинули Россию, скрылись за границу.

Помню, Плеханов очень слабо опровергал меня,—мне даже казалось, что по существу он был более согласен со мною, чем с моим другом, Стефановичем.

XI.

С наступлением осени Плеханов с Розалией Марковной переселились в Париж. Об их жизни там в течение следующего года я знаю по их письмам и рассказам при встрече.

Материальное положение их было крайне тяжелое. Из многочисленных проектов разных предприятий за границей,—изданий: журнала, газеты, брошюр и книг для крестьян, рабочих и революционеров—решительно ничего не вышло, как вследствие все большего охлаждения нашей интеллигенции к народничеству, так и ввиду все более возраставших надежд у передовой части нашего общества, что граф Лорис-Меликов осуществит его желание—даст «хоть куцую конституцию», как сострил тогда, кажется, поэт Майков.

¹⁾ Цитир. статья, стр. 50—63.

Из России, поэтому, мы почти ничего не получали, а найти заработок за границей было всегда очень трудно нашему брату. Особенно тяжело было это Георгию Валентиновичу, как ввиду его чрезвычайно сильного тяготения к теоретическим занятиям, так и полной его непрактичности. Между тем, кроме его и Розалии Марковны, к ним в Париж приехала еще большая приятельница последней, медичка Теофилия Полляк, больная чахоткой и без всяких средств к существованию. Прокормить трех человек оказалось бы совсем неразрешимой для Г. В. задачей, если бы на помощь ему не приходили товарищи, в особенности П. Л. Лавров, что явствует из опубликованных и выше уже цитированных мною писем к нему Плеханова.

Однако, несмотря на крайне тяжелые материальные условия, заставлявшие Г. В. и его близких терпеть большую нужду и лишения, отнимавшие у него массу времени на поиски заработка и розыски, у кого бы «перехватить пару - другую франков», он, тем не менее, успевал столь много в умственных, теоретических своих занятиях, что прямо не верилось, когда потом, при встрече, он к слову сообщал об этом. Так, помню, в ответ на мой, однажды, вопрос, читал ли он в подлинниках всех физиократов, он ответил утвердительно. Тот же ответ последовал относительно французских материалистов конца XVIII ст. На мое изумление, когда он это успел, Г. В. указал на эту тяжелую зиму 1880—1881 г., во время которой он регулярно проводил по несколько часов ежедневно в Знаменитой Национальной Библиотеке. Но, кроме того, по возвращении домой, он, несмотря на неудобства, — тесноту и «довольно прохладную температуру» занимаемого ими небольшого помещения, проводил много времени за занятиями.

Достигнутые им успехи в Париже были, действительно, громадны, в чем отчасти можно убедиться по написанной им тогда первой серьезной политико-экономической статье, помещенной в «Отеч. Зап.», под заглавием «Новое направление в области политической экономии». Чтобы уже не возвращаться ниже к этой теме, скажу здесь, забежав несколько вперед, что потом, при встрече в Женеве, год спустя, Плеханов показал мне письмо Лаврова, в котором он привел выдержку из письма Михайловского: последний рассыпался в похвалах по адресу неизвестного ему автора названной выше статьи, «Г. Валентинова», как Плеханов подписал ее. Михайловский просил Петра Лавровича сообщить ему, кто этот, «очевидно, молодой талантливый ученый». Вслед затем Георгий Валентинович получил непосредственно письмо от Михайловского, в котором он предложил написать статью о Родбертусе, что было чрезвычайно приятно Плеханову. Но, помню, он тут же выражал большое недоумение по поводу того, как этот редактор наиболее тогда серьезного и популярного журнала очевидно плохо разбирается в политико-экономических вопросах:

«На - ряду с явно реакционными статьями В. В.,—говорил Г. В.,—Михайловский не только помещает мою, проповедующую последовательный марксизм, но предлагает мне впредь писать. При этом он не указывает ни малейших неправильностей, промахов у меня,—очевидно, он со всем, что я написал, согласен, но раз он помещает без оговорок от редакции также статьи В. В., то из этого следует, что и с ним он согласен. Мыслимо ли было такое отношение со стороны Чернышевского? Конечно, нет!»

Но возвратимся к пребыванию Плеханова в Париже. Он тогда еще ближе сошелся с Петром Лавровичем, который по мере сил старался прийти ему на помощь, нередко выручая его из затруднительных финансовых положений, а также снабжая его необходимыми книгами и пр. Как известно, Лавров же отправил Михайловскому вышеупомянутую статью Г. В. Но важней этих мелких одолжений были для Плеханова частые и продолжительные теоретические беседы с этим энциклопедически-ученым человеком: при всей противоположности их характеров, Г. В., несомненно, многое выносил из этих встреч.

Еще более крупное значение имело для Плеханова другое знакомство, возникшее у него в ту же зиму—с Жюлем Гедом.

Последний пришел однажды, чтобы поблагодарить Розалию Марковну за медицинскую помощь, оказанную ею его больной жене; при этом он познакомился с Г. В.; они разговорились по поводу социализма,—Гед был уже марксистом, чуть ли не первым тогда после Лафарга, зятя Маркса. Беседа затянулась до поздней ночи. Гед, видимо, был поражен эрудицией, умом и пониманием научного социализма молодого русского,—Г. В. был значительно его моложе.

После этой случайной встречи с первым иностранцем-марксистом между ними установились наилучшие отношения, продолжавшиеся вплоть до самой смерти Плеханова. Близость с этим выдающимся основоположником марксизма во Франции, несомненно, имела большое влияние на Г. В. В складе ума его было много общего с Гедом: последний также чужд эклектизма, оппортунизма и субъективизма, как и Плеханов.

Гед был тогда в полном расцвете своих сил и выдающихся способностей, которые он целиком посвятил делу пропаганды марксизма. До того времени во Франции, как и в остальных романских странах, были распространены разные утопические, бланкистские, а также анархические взгляды Прудона и Бакунина. Нужно было обладать беззаветной верой в правоту своих убеждений, а также отличаться недюжинной энергией, чтобы задаться целью внести совершенно чуждое французам учение Маркса и Энгельса,—к тому же, ненавистных им немцев, незадолго пред тем разгромивших их родину. Но Гед не остановился ни перед какими трудностями: он проявлял редкую, изумительную настойчивость. Плеханову пришлось присутствовать

почти при первых шагах его выступлений, в качестве поборника нового учения. Посещая, вместе с Розалией Марковной, многочисленные собрания, устраиваемые этим неутомимым проповедником, Г. В. проникался восхищением и благоговением перед его умом, образованием и характером.

Эти свойства Гед, конечно, не прошли бесследно для Плеханова: колоссальная задача, блистательно осуществленная французом при чрезвычайно тяжелых условиях, должна была, помимо его сознания, на ряду с другими обстоятельствами, произвести сильный переворот в его воззрениях, тем более, что почва для этого давно уже подготавливалась условиями русской действительности.

Затрудняюсь сказать, чья задача была труднее: та ли, которую нужно было разрешить Геду или—предстоявшая пару лет спустя Плеханову?

Во Франции, точнее, главным образом, в Париже, с довольно отдаленного времени существовал значительный контингент испытанного, многое пережившего и видевшего пролетариата, проделавшего, по выражению Маркса, три больших и несколько малых революций,—это была положительная сторона условий, в которых пришлось начать свою деятельность Геду; но, как я уже упомянул выше, трудность его положения состояла в том, что французские рабочие были насквозь пропитаны смесью из отрывков разных утопических систем,—смесью, которую, ввиду их характера, привычек и их отношения к теориям, почти совершенно безнадежно было надеяться в скором времени вытеснить, заменив ее последовательной научной системой. Но Гед, несмотря на испытываемые им в этом отношении неудачи, не падал духом: он продолжал с необыкновенной настойчивостью пропагандировать—в печати и на собраниях—взгляды Маркса и Энгельса. Лишенный всяких средств к существованию, при довольно большой семье, он, тем не менее, отдавал все свое время деятельности среди рабочих. Из-за оставления детей без материальных средств у него происходило не мало домашних сцен с непонимавшей его стремлений, к тому же больной, женой. Конечно, испытываемые ею и малолетними его детьми лишения не могли не расстраивать этого в высшей степени гуманного, отзывчивого и, вообще, «не от мира сего» человека. Легко, поэтому, представить себе, какой, особенно временами, ад происходил в его душе. Но рисовавшаяся ему впереди перспектива преодолевала все огорчения и страдания.

Не менее, как известно, были тяжелы условия, в которых пришлось Плеханову выступить с той же целью—заменить наш «русский социализм», народничество—марксизмом. Ему также представляла нелегкая задача преодолеть глубоко вкоренившиеся у нас предрассудки и устарелые привычки. К тому же, со своей проповедью новых взглядов Г. В. пришлось обратиться не непосредственно к русским рабочим, которых было тогда очень мало, а к нашим интеллигентам, отличающимся вообще в достаточной степени кос-

ностью, умственной леностью и совершенно ни на чем не основанной самоуверенностью. Сверх того, Плеханову надо было действовать не непосредственно на слушателей, а издалика, из эмиграции. Наконец, личные материальные его условия были не лучше, чем у Геда. Зато, раз добравшись до настоящей аудитории, до рабочих, Г. В. мог рассчитывать, что в их среде проповедуемые им идеи найдут полный отклик, что ему не придется, как Геду во Франции, бороться с глубоко вкоренившимися ложными взглядами и предрассудками. Наоборот, практика предшествовавших лет служила ему порукой, что наши рабочие охотно будут усваивать то учение, которое является единственным, указывающим им верный путь к уничтожению существующей несправедливости и к завоеванию полного и всеобщего равенства.

Последствия показали, что ожидания и расчеты Г. В. вполне оправдались: несмотря на то, что проповедь марксизма среди наших рабочих началась лет на 15 позже, можно с уверенностью сказать, что среди них относительно не меньший, если не больший, процент довольно сознательных и не дурно разбирающихся в сложных социальных вопросах отдельных лиц, чем среди французских рабочих. Утверждаю это на основании продолжительного личного знакомства, как с теми, так и с другими.

Таким образом, и в задачах, и в личных свойствах, а также и в материальных условиях Геда и Плеханова было много общего. Не удивительно, поэтому, что эти два очень родственных и выдающихся человека сблизились, как я уже упомянул, на всю жизнь.

Незадолго до смерти Г. В. с большой теплотой вспоминал Геда, с которым встретился на заре своего выступления в качестве марксиста. При этом, помню, по присущей ему привычке, даже лежа на смертном одре, он не мог, рядом с серьезным, не ввести и юмористического элемента в свой рассказ о первом конгрессе II Интернационала, состоявшемся, как известно, в Париже в 1889 г.

Устроителями его—как водится в таких случаях—явились местные социалисты: Гед, Лафарг и др. На их обязанности было подготовить все необходимое для приехавших из разных стран делегатов. Но французы оказались из рук вон плохими организаторами, чему не мало комических образчиков привел Плеханов. Так, например, когда в назначенный час открытия конгресса делегаты пришли к зданию, где он должен был состояться, то двери оказались запертыми. Долго в недоумении простояли они у входа их, на улице, где собралась огромная толпа любопытных, пока, наконец, не выяснилось, что хозяин нанятого помещения требует предварительно уплаты условленной суммы, а этих-то денег у французских товарищей и не было. На помощь им пришли немцы, внесшие следуемое, благодаря чему, хотя с большим опозданием, открылся конгресс.

Аналогичное происшествие повторилось с завтраком (или с обедом, в точности не помню), предложенным гостеприимными французами всем съехавшимся делегатам после первого заседания. Собравшись в вестибюле, они напрасно прождали «распорядителя», Поля Лафарга, который взялся отвести гостей, не знавших направления, в тот ресторан, где будто бы был уже им заказан общий завтрак. В конце концов, им пришлось самим отправиться поесть в первые из подвернувшихся им *café*; затем, оказалось, что Лафарг совершенно забыл про это свое обещание. Но комичнее всего было то, по рассказу Г. В., что, несмотря на подобные сюрпризы на каждом шагу со стороны французов, они обращались к гостям с вопросами: «а неправда ли, у нас все прекрасно налажено?».

— Мы с трудом удерживались от гомерического хохота, — продолжал он, — но, чтобы не обидеть их, отвечали: «прекрасно, превосходно, лучше невозможно!». А они, совершенно, как дети, принимали наши иронические слова за чистую монету.

Этот конгресс был знаменательным событием как для Геда, так и для Плеханова: первый имел возможность убедиться, что, несмотря на многочисленные огорчения, неудачи и изъяны в его усилиях, все же проповедь его была настолько успешна, что II Интернационал мог быть открыт во Франции, в Париже. А Г. В. на этом же конгрессе сообщил, — к немалому удивлению собравшихся, — что в царской вотчине, в этой «варварской», по представлению европейцев, стране, также возникло рабочее движение, окрашенное марксизмом. Напомню, что на этом-то конгрессе Плеханов произнес свое известное пророчество, что «революционное движение в России восторжествует, как рабочее движение, или его совсем не будет».

Возвращаясь к рассказам Г. В. о вынесенных им из знакомства с французами впечатлениях о них, я должен сказать, что они были не в их пользу: Плеханов считал их несерьезными, неспособными к выдержанности, организованности, склонными к фразе, позировке и т. п.

В то же время, живя в Париже, он составил себе очень высокое мнение о немцах за присущие им как раз противоположные французам свойства, а также и потому, что к их нации принадлежали основатели научного социализма.

Проникшись последним, Г. В. при всяком удобном случае, встречаясь с соотечественниками-эмигрантами, стремился привить и им интерес к марксизму, желание изучать его. С этой целью он зимой 1880—1881 г. выступал на русских собраниях в Париже, где имел огромный успех, хотя, насколько могу припомнить, не приобрел ни единого прозелита. Оно и понятно, если читатель вспомнит то время, о чем в немногих словах напомним здесь.

ХП.

Я уже упомянул выше про «диктатуру сердца», объявленную гр. Лорис-Меликовым, и про надежды, возлагавшиеся на него нашими либералами. Но месяц проходил за месяцем, а «конституция» все не объявлялась. Так в ожиданиях ее истек целый год, в течение которого террористы не произвели никакого нового покушения на царя.

Но 1 марта 1881 г. бомба, брошенная Гриневицким, убила Александра II. Это происшествие вызвало неимоверный за границей интерес к России; не только газетные хроникеры и репортеры, но сами Маркс и Энгельс выражали изумление по поводу силы и настойчивости русских революционеров,—известно относящееся к этому времени их заявление, будто «царь является пленником революции» и что «русская революция идет в авангарде западноевропейской» ¹⁾.

Если до такой степени могли преувеличить значение 1-го марта основатели научного социализма, то легко представить себе, до чего в своих восхищениях этим событием доходила наша эмиграция, всегда с напряжением следившая,—что, повидимому, и теперь продолжается,—за всем происходившим на родине. Даже самые отчаянные скептики уверовали в магическую силу динамитной бомбы,—им тоже казалось, что преемник убитого царя вынужден будет даровать конституцию.

Признаюсь, считал это возможным также я и друзья мои—Як. Стефанович и Вера Засулич. Мы, поэтому, решили вернуться обратно в Россию, для чего предварительно вступили в переписку с находившимися там товарищами. Мы считали недопустимым оставаться в эмиграции, когда на родине начинается «новая эра»,—мы, как вскоре затем выяснилось, ошиблись всего лишь на 25 лет.

Не так отнесся к этому событию один только Георгий Валентинович: и в письмах своих к нам из Парижа, и затем устно при свидании он доказывал, что убийство царя не внесет ничего или очень мало в политические условия России, потому что,—говорил он,—у нас нет ни единого слоя, который в состоянии ограничить самодержавную власть. Поэтому он советовал нам не торопиться с возвращением, вооружиться терпением, а пока продолжать, по мере возможности, из-за границы помогать развитию революционного движения в России и параллельно с этим заниматься изучением марксизма.

Мы со Стефановичем не согласились с этими советами оказавшегося куда более нас дальновидным Г. В. и продолжали собираться в Россию. Но ввиду материальных, а также и конспиративных, соображений мы решили разделиться, т.-е., что сперва поедет Стефанович, а затем, когда он там устроится

¹⁾ См. «Предисл. к русск. изд. Маниф. Коммун. Парт.», 1882 г.

и вышлет мне деньги, я отправлюсь туда же. Предварительно Стефанович с'ездил в Париж, чтобы свидеться и потолковать там с Г. В. и с Лавровым. По возвращении в Женеву он сообщил нам не без грусти, что нашел в «Жорже» перемену, которая его мало радовала, а именно, что он «чересчур увлекся науками, носится только с Марксом и Энгельсом и, вообще, мало интересуется жизнью». Как далек был мой практический друг от истины! Только впоследствии, будучи в карийской каторжной тюрьме, он оценил, насколько прав был Жорж, будто бы отошедший от жизни.

Затем летом 1881 г. Стефанович отправился в Россию, где сообщая еще с несколькими бывшими «чернопередельцами» вступил в переговоры с народолюбцами о присоединении к ним. После этого он стал засыпать нас разными проектами и предложениями. Ему, между прочим, принадлежала мысль основать за границей большой журнал, не строго народолюбческого направления, под редакцией Лаврова, Плеханова и Кравчинского, который, два года спустя, возник под названием «Вестника Народной Воли».

По его же инициативе основано было за границей «отделение Красного Креста Народной Воли», представителями которого, по его указанию, были назначены: Вера Засулич, Лавров и Чайковский, и т. п.

К слову, много оживления внес Стефанович в нашу тесную заграничную группу своими предложениями и, вместе с тем, он в значительной степени поспособствовал нашему фактическому сближению с членами партии «Народная Воля». Только Георгий Валентинович не сразу пошел «на мировую», о чем он сам рассказал в воспоминаниях, озаглавленных «Почему и как мы разошлись с «Вестником Нар. Воли»¹⁾, кое-что об этом сообщил и я в «Приложении» к письмам «Плеханова к Лаврову»²⁾. Здесь, поэтому, мне немного придется добавить.

* * *

Почти ровно год спустя, после переезда в Париж, Георгий Валентинович, Розалией Марковной и новорожденной девочкой перекочевал обратно в Швейцарию. Наша с ним первая встреча была не из особенно дружеских, ввиду, как он потом объяснил, чрезмерного нашего тяготения к «Народной Воле» и проявленной нами при этом большой уступчивости. Напомню здесь, что по этому поводу он сообщил Лаврову в своем, уже цитированном мною выше, письме (№ 8) от 31 октября 1881 г.:

«Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано словами «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгумся, сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на

1) «Искра», № 54.

2) «Дела и Дни», № 2, за 1922 г., стр. 100—103.

путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней».

Довольно резкое объяснение, произошедшее у нас при первой нашей встрече, после годичной разлуки, произвело крайне тяжелое впечатление на нас обоих, а также и на присутствовавших при этом Вере Засулич и Дебагорие-Мокриевиче. Огорчительно было в особенности то, что, по существу, у нас не было сколько-нибудь значительных принципиальных разногласий: вследствие продолжительной разлуки и жизни в разных условиях у нас было несколько различное отношение к некоторым практическим приемам. Но уже через пару-другую дней между нами установились старые приятельские отношения, и Георгий Валентинович действовал заодно с нами, что ясно видно из того же его письма к Лаврову.

Все наши разногласия были устранены, недоразумения исчезли. Спустя короткое время, по поводу одного мною написанного от имени всей нашей группы ответа на обращение к нам Исп. Комитета «Народн. Воли» о нашем к нему присоединении, помню, Георгий Валентинович, вскочив с места, быстро зашагал по комнате, затем с радостной улыбкой на лице воскликнул: «Теперь я вижу, что нас связывает не только личная симпатия и близость, но и идейное согласие, общее нам учение Маркса и Энгельса».

Лев Дейч.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.—СТАТЬИ.

	<i>Стр.</i>
А. Васильев. Первая Советская власть в Крыму и ее падение.	3
П. Парфенов. Сибирские эс-эры и расстрел Славгородских крестьян в августе 1918 года. (К процессу эс-эров).	59
А. Яременко. Партизанское движение в Приморской области (1918—1920 г.г.). Приложения.	72
Лев Дейч. Как Плеханов стал марксистом	97
Г. Лелевич. Анархо-максималистская революция в Самаре в мае 1918 г. . .	141

ОТДЕЛ II.—ВОСПОМИНАНИЯ.

Феликс Кон. Из воспоминаний. Арест и первые дни в тюрьме. Июль 1884 г. .	151
А. Смирнов. О первом кружке социал-демократической рабочей партии гор. Екатеринослава в 1894 году.	161
К. Норинский. Екатеринославская забастовка 1903 года.	166
В. Новиков. Первые шаги. I) В Москве. II) Два месяца в Иваново-Вознесенске. Приложения: 1. Ольга Михайловна Генкина. 2. Из корреспонденции „Новой Жизни“ № 24 от 29/XI.	169
В. Соколов. Транспортно-техническое бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.	181
Шевцов. Как я взял город Майкоп Кубанской области.	204
Г. Русаков. Из белой Ялты в красную Москву. 1—17 октября 1920 г. . . .	211

ОТДЕЛ III.—БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Станчинский. С. Васильченко и И. Ставский. „Первый бой“.	220
Г. Лелевич. Обзор литературы о самарской Учредилке.	225
И. Волковичер. М. П. Скверн „Первая рабочая социалистическая организация в Одессе“ (1875 г.).	229
Его-же. М. М. Бородин. „История великой измены“.	230
Ставрович. В. С. Свитыч. „Надгробное слово Александру II“. А. В. Долгушин. „Заживо погребенные“ (из воспоминаний о политической ка- торге 80-х годов).	232

	Стр.
Ставрович. Степняк-Кравчинский. „Царь-чурбан, царь-цапля“	233
В. Владимирова. П. С. Парфенов (Петр Алтайский). Уроки прошлого. (Гражданская война в Сибири)	235
М. О. Русская революция и Р. К. П. Выпуск первый	237

ОТДЕЛ IV.—МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

А. Бубнов. Один из решающих моментов	238
Хр. Гринберг-Кон. Эпизод из жизни народовольцев	241

ВОКРУГ ОРГАНОВ ИСПАРТОВСКОЙ РАБОТЫ.

Хроника Бюро Истпарта: Тамбовского, Воронежского, Терского, Татбиро, Пермского, Харьковского, Юго-Восточного, Новгородского, Астрахан- ского, Одесского, Тульского, Терского и Томского	244
Письмо в редакцию	248